

спустя четыре года после
ЕСТЬ *МОЛЧЬ* *МОИ*
мировой бестселлер

ЭЛИЗАБЕТ
ГИЛБЕРТ

Законный брак

Элизабет Гилберт
Законный брак
Серия «Есть, молиться, любить»

предоставлено правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=611685
Элизабет Гилберт «Законный брак», серия «Короткое дыхание»: РИПОЛ классик; Москва; 2010
ISBN 978-5-386-02354-6

Аннотация

«Есть, молиться, любить» заканчивается историей о том, как во время своего путешествия на Бали Элизабет Гилберт встретила разведенного бразильца Фелипе (Жозе Нуньеса). Целый год Фелипе и Гилберт поддерживали «междугородную связь». Девяносто дней бой-френд Гилберт провел рядом с ней в Америке, а всё остальное время они жили отдельно или путешествовали вместе по миру.

Весной 2006 года пара вернулась в США. Прямо в аэропорту Далласа спутник Элизабет был задержан. Представитель таможни разъяснил Фелипе, что он может вновь въехать в страну только в том случае, если женится на своей американской подруге.

Весь следующий год Элизабет Гилберт провела в изгнании вместе с Фелипе, она много читала о браке. Из размышлений Гилберт на эту тему и родилась эта книга...

Содержание

Обращение к читателю	5
Глава 1	8
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Элизабет Гилберт Законный брак

Роман о том, как скептик вроде меня примирился с институтом брака

Para J. L.N. – o meu coroa ¹

*Нет предприятия более рискованного, чем законный брак.
Но нет и большей благодати, чем брак счастливый.
Бенджамин Дизраэли, 1870 (Письмо дочери королевы Виктории
Луизе с поздравлениями по случаю помолвки)*

¹ Для J. L. N. – моей драгоценности (португ.)

Обращение к читателю

Несколько лет назад я написала книгу «Есть, молиться, любить», в которой рассказала о путешествии по миру, предпринятом в одиночку после тяжелого развода. Пока я писала книгу, мне перевалило за тридцать пять, и всё, что с ней связано, означало для меня большой перелом как для писателя. До «Есть, молиться, любить» в литературных кругах меня знали (в тех узких кругах, где меня вообще знали) как женщину, которая пишет в основном о мужчинах и для мужчин. Много лет я работала журналисткой в таких мужских изданиях, как «GQ» и «Spin», и на их страницах исследовала мужскую натуру со всех возможных углов. В центре внимания моих первых трех книг (как художественных, так и документальных) также были герои-супермачо: ковбои, рыбаки, зарабатывающие на ловле лобстера, охотники, дальнобойщики, водители грузовиков, лесорубы...

В ту пору мне часто говорили, что я пишу как мужчина. Правда, я не совсем понимаю, что значит «писать как мужчина», но, когда люди говорят такое, начинаешь думать, что они хотят сделать комплимент. Уж я-то точно воспринимала это как похвалу. Однажды для статьи в «GQ» я даже перевоплотилась на неделю в парня. Постриглась коротко, забинтовала грудь, сунула в штаны презерватив, набитый кормом для попугайчиков, и прилепила эспаньолку под нижнюю губу – а всё для того, чтобы хоть как-то прочувствовать и понять загадочную притягательность существования в виде мужчины.

Тут добавлю, что одержимость мужчинами распространялась и на мою личную жизнь. Иногда это было чревато осложнениями.

Нет – это *всегда* было чревато осложнениями.

Так уж вышло, что с неразберихой в романтических отношениях и помешанностью на карьере мужская тема настолько занимала меня, что мне совершенно некогда было задуматься на тему женственности. И уж точно я никогда не задумывалась о том, что я сама представляю как женщина. По этой причине, а также потому, что собственная персона никогда особенно меня не интересовала, я так и не успела узнать себя. И вот когда наконец в районе тридцати меня накрыло мощной волной депрессии, я ни понять не смогла, ни выразить, что же со мной происходит. Сначала подкосилось здоровье, потом развалился мой брак и в довершение всего – это было ужасное, страшное время – у меня поехала крыша. В этой ситуации мужская стойкость не могла служить мне утешением: ведь чтобы распутать эмоциональный клубок, требовалось прощупать его весь, по ниточке. Разведенная, одинокая, с разбитым сердцем, я бросила всё и уехала на год – путешествовать и узнавать себя. Я была намерена изучить себя столь же пристально, как некогда исследовала исчезающий вид – американского ковбоя.

А потом, поскольку я все-таки писательница, я написала об этом книгу.

Эта книга стала бестселлером, прогремевшим на весь мир – в жизни иногда случаются очень странные вещи, – а я, после десяти лет в роли исключительно мужского автора, который пишет о мужчинах и мужественности, вдруг превратилась в «писательницу женских романов». Правда, мне сложно понять, что это за «женские романы» такие, однако я более чем уверена: такие слова люди никогда не произносят как комплимент.

Как бы то ни было, меня теперь всё время спрашивают: надеялась ли я на такой успех? Всем хочется знать, подозревала ли я, когда писала «Есть, молиться, любить», что книга станет хитом. Ответ – нет. Никак не думала и уж точно не планировала, что книга вызовет столь бурную реакцию. Когда я писала ее, то вообще надеялась, что мои читатели простят меня, что пишу мемуары. Читателей у меня было раз-два и обчелся. Правда, они были преданные, и им всегда нравилась крутая девица, пишущая крутые рассказы о крутых мужиках, которые совершают всякие крутые мужские поступки. А тут – довольно эмоциональный рассказ от

первого лица: разведенная женщина отправляется на поиски психического и духовного равновесия. Оставалось уповать, что они отнесутся ко мне со снисхождением и поймут, что я должна была написать эту книгу по личным причинам, – а потом можно будет сделать вид, что ничего не было, и жить дальше.

Но все получилось не так.

(И кстати, на всякий случай: книга, которую вы держите в руках, – это *не* крутой рассказ о крутых мужиках, которые совершают крутые мужские поступки. Я вас предупредила!)

Другой вопрос, который постоянно задают мне с некоторых пор: как изменилась моя жизнь после выхода «Есть, молиться, любить»? На него трудно ответить, потому что масштаб этих изменений поистине космический. Для сравнения приведу пример из моего детства: когда я была маленькая, родители как-то отвели меня в Американский музей естественной истории в Нью-Йорке. Мы стояли в Зале океанов. Папа показал на потолок, где над нашими головами висел муляж большого голубого кита в натуральную величину. Папа хотел удивить меня размерами исполинского животного, но я кита в упор не видела. Стояла прямо под ним и смотрела прямо на него, но была не в силах воспринять кита целиком. Моя голова была не способна осознать, что может быть нечто столь большое. Я видела лишь голубой потолок и изумление на лицах людей вокруг (наверное, тут происходит что-то интересное, думала я) – но вот самого кита увидеть не могла.

Вот какие чувства у меня иногда вызывает «Есть, молиться, любить». На определенной точке траектории взлета этой книги я просто перестала воспринимать масштаб происходящего, поэтому бросила попытки и переключилась на другие вещи. Сажала овощи на грядке, к примеру. Нет лучшего способа осознать относительность всего во Вселенной, чем сбор слизняков с помидорных кустов.

Но при этом для меня оставалось загадкой: как после феномена «Есть, молиться, любить» я вообще смогу писать, не оглядываясь на эту книгу? Не хочу притворяться, что ностальгирую по тем временам, когда прозябала в неизвестности, но раньше я всегда писала книги, подразумевая, что их прочтет всего лишь горстка людей. По большей части это меня, конечно, удручало. Но было в этом и одно критическое преимущество: ведь если бы я опозорилась по полной программе, не так уж много народу это бы увидело. Как бы то ни было, передо мной теперь стояла почти научная дилемма: вдруг у меня появились миллионы читателей, которые ждут следующую книгу? Как написать книгу, которая понравилась бы миллионам? Мне не хотелось нагло потворствовать общему настроению, но не хотелось и враз отметать всех моих замечательных и увлеченных читателей, большинство из которых были женщинами, – после того, что нам пришлось пережить вместе.

Я не была уверена, что делать, но писать всё равно начала. За год я написала черновой вариант книги, пятьсот страниц, но, поставив точку, поняла, что что-то не так. Голос героини не был похож на мой. Он вообще не был похож на голос. Это были какие-то искаженные слова, выкрикнутые в мегафон. Я отложила рукопись, чтобы никогда больше к ней не возвращаться, и снова отправилась в своей огород – копать, подвязывать и думать.

Хочу для ясности заметить: это был *не кризис* – тот период, когда я никак не могла понять, как же мне теперь писать (или, в моем случае, как писать, чтобы это получалось само собой). В моей жизни все было прекрасно, я была очень благодарна за душевное спокойствие и профессиональный успех и вовсе не собиралась всё портить, превращая эту задачку в катастрофу. Но задачка была еще та. Я даже начала подумывать, что, возможно, моя писательская песенка спета. Такая судьба не казалась мне концом света – если ей суждено было стать моей судьбой, конечно, – но я пока не знала, так это или нет. Могу лишь сказать, что мне предстояло провести еще много часов на грядке с помидорами, прежде чем я разобралась, что к чему.

В конце концов с определенной долей удовлетворения для себя я признала, что не смогла бы – и *не смогу* – написать книгу, которая понравилась бы миллионам читателей. По крайней мере, не смогу написать ее намеренно. Нет, я не знаю, как написать всеми любимый бестселлер на заказ. Если бы знала, как это делается, уверяю вас, сделала бы это давно, и жизнь моя стала бы легче и комфортнее еще много лет назад. Но так схема не работает – во всяком случае, с такими писателями, как я. Мы пишем только те книги, которые должны или способны написать, а потом отпускаем их на свободу, сознавая, что всё дальнейшее, что с ними произойдет, от нас уже не зависит.

Итак, по многочисленным личным причинам та книга, которую я *должна* была написать, и есть эта самая книга. Еще одни мемуары (с дополнительными социоисторическими вставками!) о том, как я пыталась примириться со сложным институтом брака. Насчет темы я никогда и не сомневалась: просто мне сложно было найти свой голос. Рано или поздно я обнаружила, что единственный способ начать писать снова – строго ограничить (по крайней мере, в воображении) число читателей, для которых я пишу. И вот я начала с самого начала. Этот вариант «Матримониума» я писала не для миллионов, а для двадцати семи читателей. Если поконкретнее, то вот их имена: Мод, Кэрл, Кэтрин, Энн, Дарси, Дебора, Сюзан, Софи, Кри, Кэт, Эбби, Линда, Бернадетт, Джен, Джана, Шерил, Райя, Айва, Эрика, Нишель, Сэнди, Анна, Патриция, Тара, Лора, Сара и Маргарет.

Эти двадцать семь женщин – мой маленький, но очень важный круг близких подруг, родственниц, соседок. Им от двадцати до девяноста пяти лет. Одна из них – моя бабушка, еще одна – падчерица. Одна – моя самая старая подруга, а еще одна – самая новая. Еще одна недавно вышла замуж, две других (а может, и больше) хотят замуж больше всего на свете, а еще две недавно вышли замуж по второму разу. Есть одна, которая очень рада, что вообще никогда не была замужем. Есть и такая, для которой недавно закончились отношения – длинной почти в десять лет – с другой женщиной. Семь из них – матери, две (в момент написания) ждут ребенка, остальные по разным причинам не имеют детей и испытывают на этот счет совершенно разные эмоции. Кто-то из этих женщин занимается домашним хозяйством, а кто-то – карьерой; имеются и такие, честь им и хвала, кому удастся совмещать работу и семью. Большинство из них белые, но присутствуют и чернокожие, две родились на Ближнем Востоке, одна – скандинавка, две из Австралии, одна из Южной Америки и одна из каджунов.² Три глубоко религиозны, пять совершенно не интересуются вопросами религии, большинство еще не определились с духовными исканиями, а некоторые с годами выработали собственную систему отношений с Богом. У всех этих женщин чувство юмора на порядок выше среднего. Все в тот или иной момент жизни пережили тяжелую утрату.

В течение многих лет я сидела с этими милейшими людьми за многочисленными стаканами вина и чая и вслух размышляла о браке, интимности, сексуальности, разводах, верности, семье, ответственности и свободе. Моя книга родилась из этих разговоров. Когда я складывала на страницах разрозненные кусочки, то ловила себя на том, что в буквальном смысле беседую – вслух! – со своими подругами, родственницами, соседками и отвечаю на вопросы, порой заданные несколько десятков лет назад, а также задаю новые, свои. Эта книга никогда не появилась бы без этих двадцати семи удивительных женщин, и я безгранично благодарна им за то, что они есть. Одним своим присутствием они учат меня мудрости и утешают в трудную минуту.

Элизабет Гилберт Нью-Джерси, 2009

² Потомки акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде, которые в XVIII веке были сосланы англичанами в разные колонии американского Юга. Часть из них собралась во французской Луизиане. Говорят на акадийском диалекте французского языка – каджуне. – *Здесь и далее примеч. пер. (кроме указанной авторской сноски).*

Глава 1

Замужество и сюрпризы

*Брак – это дружба, признанная государством.
Роберт Льюис Стивенсон*

Однажды вечером, летом 2006 года, в маленькой деревушке в Северном Вьетнаме, я сидела у почерневшего очага на кухне в компании местных женщин, чьего языка не знала, и пыталась расспросить их о замужестве.

К тому времени я уже несколько месяцев путешествовала по Юго-Восточной Азии с человеком, которому вскоре суждено было стать моим мужем. По общепринятым меркам, наверное, следовало бы называть его женихом, но это слово смущало нас обоих, и потому мы его не использовали. А вообще говоря, нас обоих смущала и сама идея брака. Мы никогда не планировали жениться и не хотели этого. Но в планы вмешалось провидение, и именно поэтому мы теперь как неприкаянные блуждали по Вьетнаму, Таиланду, Лаосу, Камбодже и Индонезии, одновременно предпринимая срочные и даже отчаянные попытки вернуться в Америку и пожениться.

Мужчина, о котором идет речь, уже два года был для меня любимым, драгоценным человеком, и на этих страницах я буду звать его Фелипе. Фелипе – добрый и заботливый джентльмен из Бразилии на семнадцать лет меня старше; с ним я познакомилась во время другого путешествия (оно было запланировано), предпринятого мной за несколько лет до этого в попытке залатать вдребезги разбитое сердце. К концу своих скитаний я его и встретила. К тому времени он уже много лет жил на Бали, мирно и в одиночестве, также пытаясь залатать свое разбитое сердце. За встречей последовала привязанность, затем – неспешные ухаживания и, к обоюдному нашему изумлению, любовь.

Наше нежелание вступать в брак было вызвано вовсе не отсутствием любви. Как раз наоборот: мы с Фелипе были безумно влюблены. Мы с радостью надавали друг другу всяческих обещаний вечно быть вместе. Даже поклялись до конца жизни хранить друг другу верность, хоть эта клятва и не была публичной. Проблема состояла в том, что мы оба пережили ужасный развод, и этот опыт до такой степени измучил нас, что сама мысль о законном браке с кем угодно, даже с такими милыми людьми, как мы сами, наполняла нас гнетущим страхом.

Развод, как правило, дело неприятное (Ребекка Уэст³ писала, что «разводиться так же весело и целесообразно, как бить ценный фарфор»), и наши не были исключением. По большой космической десятибалльной шкале Ужасных Разводов (где 1 – дружеское расставание, а 10 – ни много ни мало, смертоубийство) я бы оценила свой на семь баллов с половиной. Ни к самоубийствам, ни к убийствам он не привел, но, не считая этого, грызня была самой отвратительной из тех, на какую только способны двое хорошо воспитанных людей. И длилось это более двух лет.

Что касается Фелипе, его первый брак (сумной, образованной австралийкой) закончился почти за десять лет до того, как мы познакомились на Бали. Сам развод прошел довольно спокойно, но расставание с супругой (а также домом, детьми и почти двадцатилетней историей совместной жизни) оставило на этом добром человеке глубокую печать утраты с отчетливым привкусом сожаления, одиночества и тревог о финансовом благополучии.

³ Уэст, Ребекка (1892–1983) – английская писательница, журналист, литературный критик, автор книг о путешествиях.

Словом, наш опыт принес нам одни только неприятности, финансовый урон и внушил крепкое подозрение к так называемым прелестям законного брачного союза. Мы с Фелипе на собственной шкуре познали неприглядную правду любой опыт близких отношений где-то под первоначально милой наружностью скрывает потенциальную возможность обернуться полной катастрофой – как змея, свернувшаяся клубком. Мы также поняли, что брак – предприятие, в которое легко вступить, но вот покинуть его не так-то просто. Без законных препонов человек, не находящийся в браке, может в любой момент разорвать ухудшившиеся отношения. Но женатый человек, который хочет сбежать от обреченной любви, вскоре обнаруживает, что в его брачном контракте в большой степени участвует и государство, и может пройти очень много времени, прежде чем государство отпустит его на свободу. При таком раскладе вы на месяцы и даже годы в буквальном смысле оказываетесь заточенными в тюрьме законных отношений, где любви нет и в помине, – ну прямо как жертва пожара в горящем здании, где вы, мой друг, прикованы наручниками к батарее где-нибудь в подвале и не можете вырваться, а вокруг уж клубится дым и рушатся балки...

Извините, может быть, вам все это кажется слишком удручающим?

Я делюсь с вами этими неприятными мыслями, лишь чтобы объяснить, почему мы с Фелипе с самого начала наших отношений заключили такой довольно необычный пакт. От всего сердца мы поклялись никогда, ни при каких обстоятельствах не жениться. Мы даже пообещали никогда не объединять наши денежные средства и активы, чтобы больше не пришлось переживать кошмар копания на взрывоопасной свалке личных сбережений, общих кредитов, документов, недвижимости, банковских счетов, посуды и любимых книжек. Принеся эту клятву, мы с реальным чувством спокойствия продолжили наше партнерство, где никто не заступал на соседнюю территорию. Так же как объявление о помолвке способно принести многим парам ощущение всеобъемлющей защищенности, клятва никогда не вступать в брак окутала нас чувством эмоционального покоя, которое было необходимо, чтобы снова попытаться полюбить. Клятва, сознательно лишённая официальности, подарила нам удивительную свободу. Нам казалось, что мы открыли тайный путь к идеальной близости – нечто, что, по словам Гарсиа Маркеса, «похоже на любовь, но лишено неприятностей, которые она приносит».

Так мы и жили до весны 2006 года: никому не мешали, строили совместную жизнь, но при этом деликатно не вмешиваясь в дела друг друга, довольные всем на свете. И мы прожили бы так до скончания дней, не случись одно ужасно неудобное для нас происшествие: в наши отношения вмешалось Министерство нацбезопасности США.

Проблема заключалась в том, что мы с Фелипе, хоть и имели много общего и хорошего, не могли, однако, похвастаться одной и той же национальностью. Он был бразильцем по рождению с австралийским гражданством и на момент нашего знакомства почти постоянно жил в Индонезии. Я – американка, проживающая, не считая путешествий, на Восточном побережье США. Поскольку наш роман разворачивался независимо от страны пребывания, поначалу мы не узрели в этом никаких проблем, хотя сейчас понятно, что надо было предвидеть осложнения. Как там в старой поговорке: рыба может влюбиться в птицу, но где они будут жить? Решение этой проблемы, как нам казалось, состояло в том, что мы оба готовы путешествовать: я была птицей, которая умела плавать, а Фелипе – рыбой, которая умела летать. И вот в первый год нашей совместной жизни или около того мы жили, в прямом смысле, то тут, то там: плавали и летали через океаны и континенты, чтобы быть вместе.

К счастью, работа позволяла вести такой свободный образ жизни. Я была писательницей и могла брать с собой работу повсюду. Фелипе – импортер ювелирных украшений и драгоценных камней; он продавал свой товар в США, и ему приходилось всегда быть в разъездах. Нам оставалось лишь скоординировать передвижения. Так что я летала на Бали, а он приезжал в Америку; потом мы оба ехали в Бразилию и снова встречались в Сиднее. Я

устроилась на временную работу преподавателем литературного мастерства в Университет Теннесси, и несколько странных месяцев мы прожили в полуразвалившейся комнате старого отеля в Ноксвилле. (Могу порекомендовать этот вариант проживания любому, кто хочет проверить отношения на совместимость!)

Мы жили в ритме стаккато, в ритме галопа: в основном вместе, но вечно в движении, как участники какой-то чудной международной программы защиты свидетелей. Наши отношения, хоть и становились крепче и спокойнее на личном уровне, с точки зрения логистики представляли собой постоянную проблему, а учитывая международные авиAPERелеты, еще и влетали в копеечку. Было тяжело и психологически. С каждой новой встречей нам с Фелипе приходилось заново узнавать друг друга. В аэропорту неизменно возникал такой момент, когда я, ожидая друга у выхода, начинала нервничать и думала: узнаю ли я его? А он меня? И вот после первого года нам обоим захотелось чего-то более постоянного, и Фелипе сделал важный шаг. Он отказался от своего скромного, но милого коттеджа на Бали и переехал со мной в крошечный домик на задворках Филадельфии, который я недавно сняла.

Кому-то может показаться странным, что Фелипе согласился променять Бали на филадельфийский пригород, однако он поклялся, что жизнь в тропиках давно ему надоела. Жить на Бали слишком просто, жаловался он: каждый новый день – приятная и скучная копия предыдущего. Он уже давно собирался уехать оттуда, даже до того, как познакомился со мной. Человеку, который никогда не жил в раю, невозможно понять, как может наскучить такая жизнь (мне уж точно это казалось безумием), но Фелипе балинезийская сказка с годами успела набить оскомину. Никогда не забуду один из последних чудесных вечеров, проведенных в его коттедже. Мы сидели на улице босиком – кожа покрылась бусинками влаги на теплом ноябрьском воздухе, – пили вино и любовались океаном созвездий, мерцающих над рисовыми полями. Когда в кронах пальм зашелестел ароматный ветерок, принеся с собой обрывки церемониальной музыки из далекого храма, Фелипе взглянул на меня, вздохнул и громко сказал:

– Как же меня достало это дерьмо... Скорей бы вернуться в Филадельфию!

Так мы и оказались в Филадельфии, городе, знаменитом своими дорожными рытвинами.

Вообще-то нам обоим очень нравилось там жить. Маленький дом, который я снимала, находился рядом с домом моей сестры, где та жила с семьей. С годами я поняла, что для счастья мне необходимо жить рядом с ней, и это осуществилось. После того как мы с Фелипе (каждый по отдельности) долгие годы колесили по разным захолустьям, было здорово и как-то воодушевляюще снова поселиться в Америке, стране, которая, несмотря на все свои недостатки, была интересна нам обоим: динамичная, многонациональная, постоянно развивающаяся, безумно противоречивая, провоцирующая творческий взлет и очень живая.

Обосновавшись в Филадельфии, мы начали предпринимать – с вдохновляющим успехом – первые настоящие шаги в совместном хозяйстве. Фелипе продавал свои украшения, я работала над проектами, для осуществления которых нужно было оставаться в одном месте и проводить исследования. Он готовил, я стригла лужайку, а иногда один из нас включал пылесос. Мы хорошо ладили дома и без ссор делили ежедневные обязанности. Мы были амбициозны, продуктивны, полны оптимизма. Жизнь шла хорошо.

Однако подобные периоды стабильности никогда долго не длятся. Из-за визовых ограничений Фелипе мог провести в Америке лишь три месяца, после чего на некоторое время должен был выехать в другую страну. Вот он и уезжал, а я оставалась одна со своими книжками и соседями, пока его не было. Затем, через несколько недель, он возвращался в Штаты на следующие девяносто дней, и наша совместная жизнь возобновлялась. Эти девяностодневные отрезки, проведенные вместе, были для нас идеальными и свидетельствовали о том, с какой настроенностью мы оба подходим к вопросу долгосрочных обязательств. Мы, две

травмированные жертвы развода, были готовы планировать будущее ровно на столько, при этом не чувствуя угрозы.

Иногда, когда рабочий график позволял, я выезжала из страны вместе с Фелипе. Этим объясняется тот факт, что однажды мы возвращались в США вместе из деловой поездки и приземлились для пересадки по дешевому билету в международном аэропорту Даллас – Форт-Уорт. Я первой прошла иммиграционный контроль, спокойно шагая в шеренге других американских граждан, возвращавшихся на родину. Оказавшись по ту сторону, я стала ждать Фелипе, который находился в середине длинной очереди иностранцев. Он подошел к служащему, и тот внимательно стал изучать его австралийский паспорт, толстый, как Библия, – каждую страничку, отметку и голограмму. Обычно пограничники не так дотошны, и я занервничала: слишком уж долго рассматривали документ. Я смотрела и ждала, надеясь услышать самый важный звук, свидетельствующий об успешном прохождении границы: гулкий, как в библиотеке, тяжелый звук печати, приветственной отметки о въезде. Но я его так и не услышала.

Вместо этого пограничник взял телефон и тихонько куда-то позвонил. Через пару секунд пришел служащий в форме Министерства нацбезопасности США и увел мое сокровище.

Люди в форме продержали Фелипе в комнате для допросов аэропорта Далласа шесть часов. Шесть часов я просидела там, в приемной, в блеклой комнате с лампами дневного света, где, кроме меня, сидели напуганные люди со всего мира, окостеневшие от страха. Мне не разрешали ни увидеться с любимым, ни задавать вопросов. Я не знала, что они с ним делают и чего от него хотят. Знала лишь, что он не нарушил никаких законов, – но какое утешение от этой мысли мне тогда было, сами представляете. То были последние годы администрации Джорджа Буша-младшего, не самый спокойный момент в истории для того, чтобы твой любимый человек оказался под стражей у американских пограничников. Я пыталась успокоиться, повторяя известную молитву Юлианны Норвичской, мистической проповедницы четырнадцатого века: «Всё будет хорошо, и всё будет славно, и всякое, что случится, обернется во благо». Но мне совсем в это не верилось. Ничего не хорошо. То, что сейчас происходит, совсем не хорошо!

Время от времени я поднималась со своего пластикового стула и пыталась выудить хоть какую-нибудь информацию у иммиграционного служащего за пуленепробиваемым стеклом. Но он игнорировал мои мольбы, каждый раз повторяя одно и то же: «Когда нам будет что сказать о вашем бойфренде, мисс, мы вам сообщим».

Должна сказать, что в такой ситуации, пожалуй, нет в английском языке более жалкого слова, чем «бой-френд». Пренебрежение, с каким пограничник произнес это слово, свидетельствовало о том, что характер моих отношений с Фелипе не вызывает у него ни капли уважения. С какой стати правительственный служащий должен разглашать информацию о каком-то там *бой-френде*? Мне хотелось объясниться, сказать: послушайте, человек, которого вы держите за этой дверью, для меня важнее всех на свете. Но даже в моем нервном состоянии я сомневалась, что из этого выйдет толк. Я вообще боялась, что, если буду слишком наседавать на них, Фелипе это аукнется, и поэтому беспомощно отступила. Только потом мне пришло в голову, что надо было бы позвонить адвокату. Но телефона у меня с собой не было, бросать свой пост в приемной не хотелось, да и в Далласе я адвокатов не знала, к тому же на дворе был вечер воскресенья – ну и кому бы я дозвонилась?

Наконец, шесть часов спустя, вошел пограничник и провел меня по коридорам через кроличью нору бюрократических загадок в маленькую, тускло освещенную комнату, где сидели Фелипе и служащий нацбезопасности, который его допрашивал. Оба выглядели уста-

лыми, но лишь один из них *был моим* – моим любимым, и лицо его было самым знакомым лицом во всем мире.

Когда я увидела Фелипе в таком состоянии, у меня в груди заныло от тоски. Мне хотелось дотронуться до него, но я чувствовала, что это не разрешено, поэтому осталась стоять.

Мой любимый устало улыбнулся и сказал:

– Дорогая, похоже, наша жизнь теперь станет намного интереснее.

Не успела я ответить, как ответственный за допрос взял ситуацию в свои руки.

– Мэм, – сказал он, – мы пригласили вас сюда, чтобы объяснить: вашему другу отныне въезд в США запрещен. Мы будем держать его под стражей до следующего рейса в Австралию, как обладателя австралийского паспорта. После этого в Америку он больше въезжать не сможет.

Первая моя реакция была физической – словно вся кровь в моем теле вдруг испарилась и зрение на секунду утратило способность фокусироваться. Еще через мгновение включился мозг. Я лихорадочно пыталась подытожить, чем нам грозит этот внезапный серьезный кризис. Фелипе зарабатывал на жизнь в Соединенных Штатах задолго до нашего знакомства: он занимался законным импортом драгоценных камней и ювелирных украшений из Бразилии и Индонезии для продажи на американских рынках и в Америку, соответственно, приезжал несколько раз в год. Америка всегда принимала международных дельцов вроде Фелипе с распростертыми объятиями – ведь они привлекают в страну товар и деньги, способствуют развитию коммерческой активности. Благодаря гостеприимству бизнес Фелипе процветал. На заработанные за пару десятков лет деньги он отправил обоих своих детей (они уже взрослые) в лучшие австралийские частные школы. Америка была центром его профессиональной жизни, пусть даже он никогда не жил здесь до недавнего времени. Но здесь находился его товар и все клиенты. Запрет на въезд полностью отрезал ему средства к существованию. Не говоря уж о том, что в Америке жила я, а Фелипе хотел быть со мной – и я никогда не захотела бы жить нигде, кроме Америки, ведь здесь у меня семья и работа. Фелипе тоже стал частью нашей семьи. Его с радостью приняли мои родители, сестра, друзья, весь мой мир. Как же нам продолжать жить вместе, если ему навсегда запретят приезжать? Что мы будем делать? (*«Где мы будем спать, ты и я?»* – как говорится в печальной песне о любви индейского племени винту. – *«На зубчатой кромке обрушившегося неба? Где мы будем спать?»*)

– На каком основании вы его депортируете? – спросила я служащего, напустив на себя важный вид.

– Строго говоря, мэм, это не депортация. – В отличие от меня, ему не пришлось напускать на себя важный вид: у него это получалось само собой. – Мы просто отказываем вашему другу во въезде в США на том основании, что за последний год он въезжал слишком часто. Он ни разу не нарушил срок пребывания по визе, и, судя по его передвижениям, он попросту жил с вами в Филадельфии в течение трехмесячных отрезков, покидая страну лишь для того, чтобы сразу вернуться.

С этим трудно было поспорить, потому что именно это Фелипе и делал.

– Это преступление? – спросила я.

– Не совсем.

– Не совсем или нет?

– Нет, мэм, это не преступление. Поэтому мы его и не арестуем. Но трехмесячная виза, которую правительство США предоставляет гражданам дружественных государств, не предназначена для бесконечного количества последовательных въездов.

– Но мы об этом не знали, – сказала я. Фелипе решил вмешаться:

– Вообще-то, сэр, пограничник в Нью-Йорке сказал, что я могу ездить в Штаты сколько угодно, главное – не превысить девяностодневный срок пребывания.

– Не знаю, кто вам это сказал, но это не так.

Услышав его слова, я вспомнила, как Фелипе однажды предупредил меня насчет пересечения границы: «Не думай, что это такая уж ерунда, дорогая. И никогда не забывай, что в любой день по любой причине любой пограничник в мире может вдруг решить, что впускать тебя ему не хочется».

– Ну и что бы вы сделали, если бы оказались в нашей ситуации? – спросила я.

Этому приему я научилась за многие годы и использовала его каждый раз в тупиковой ситуации: с равнодушными операторами службы поддержки, например, или апатичными бюрократами. Если поставить вопрос таким образом, власть имущий вынужден задуматься и представить себя на месте беспомощного человека. Это такое тонкое воззвание к милосердию. Иногда помогает. Но, если честно, в большинстве случаев не помогает ни капельки. Правда, сейчас я была готова опробовать всё.

– Ну, если ваш друг хочет когда-нибудь снова вернуться в Соединенные Штаты, ему нужна виза получше – более постоянная. На вашем месте я бы ему такую поскорее сделал.

– Понятно, – ответила я. – А какой самый быстрый способ раздобыть эту более постоянную, более надежную визу?

Служащий взглянул на Фелипе, потом на меня и снова на Фелипе.

– Честно? – спросил он. – Вам двоим надо пожениться.

Мое сердце упало, причем звук был почти слышен. Сердце Фелипе упало одновременно с моим – полный беззвучный унисон, я услышала это в тесной комнате. Со стороны может показаться невероятным, что предложение сотрудника Министерства нацбезопасности застигло меня врасплох. Все мы слышали о браках ради «грин-карт». Кому-то, возможно, покажется невероятным и то, что предложение вступить в брак вызвало у меня расстройство, а не облегчение, учитывая наше отчаянное положение: хоть какой-то выход всё-таки. Но всё же эти слова меня удивили. И испугали. Сама идея замужества в моем сознании являлась таким жестким табу, что, высказанная вслух, она явилась для меня реальным шоком. Мне стало грустно и тяжело на душе, как после удара в спину, казалось, меня лишили фундаментального аспекта моего существования. Но острее всего было чувство, что я попала в ловушку. Мы оба в нее попались. Летающая рыба и плавающая птица угодили в сети. И впервые в моей жизни моя наивность ударила меня в лицо как мокрой тряпкой: *ну почему я была такой дурой и думала, что мы сможем вечно жить как вздумается!*

Какое-то время мы все молчали, а потом служащий министерства, увидев наши понурые лица, наконец спросил:

– Извините, ребята. А чем вам так не нравится эта мысль?

Фелипе снял очки и протер глаза – по опыту я знала, что это признак полного изнеможения. Он вздохнул и ответил:

– Ох, Том, Том, если бы ты знал...

Я не думала, что эти двое уже успели перейти на «ты», хотя, наверное, так обычно и бывает в ходе шестичасового допроса. Особенно если в роли допрашиваемого выступает Фелипе.

– Нет, серьезно – в чем проблема? – спросил офицер Том. – Вы уже и так вместе живете. И видно, что любите друг друга и не женаты на ком-то еще...

– Том, ты пойми, – проговорил Фелипе, наклонившись к нему и окончательным образом выбирая доверительный тон, словно мы находились и не в госучреждении вовсе, – нам с Лиз обоим пришлось пережить разводы в прошлом, и это было просто... просто ужасно.

Офицер Том промычал что-то вроде еле слышного понимающего «ммм...», потом тоже снял очки и потер глаза. Я инстинктивно бросила взгляд на средний палец левой руки: кольца не было. По отсутствию кольца и рефлекторной реакции скорбного понимания был поставлен моментальный диагноз: разведен.

И тут наш разговор принял сюрреалистическое русло.

– Ну, всегда же можно подписать брачный контракт, – заметил Том. – Это если вы беспокоитесь о финансовых проблемах, связанных с разводом. А если вас пугают отношения, можно обратиться к психологу.

Я слушала и удивлялась. Сотрудник Министерства национальной безопасности США дает нам советы по части счастливого брака! В комнате для допросов! Где-то в недрах международного аэропорта Далласа!

Когда ко мне вернулся дар речи, я наконец выступила с таким блестящим предложением:

– Офицер Том, а что, если я найду способ каким-то образом *нанять* Фелипе вместо того, чтобы выходить замуж? Можно ему будет приехать в Америку в качестве моего сотрудника, а не мужа?

Фелипе выпрямился и воскликнул:

– Дорогая! Какая потрясающая мысль!

Офицер Том посмотрел на нас как-то странно. И спросил Фелипе:

– Ты что, скорее предпочтешь, чтобы она была твоим боссом, чем женой?

– Ода!

Я чувствовала, как офицер Том почти физически сдерживает себя, чтобы не спросить: «Да что вы вообще за люди?» Но он был слишком хорошим профессионалом, чтобы позволить себе такое. Вместо этого он откашлялся и произнес:

– К сожалению, то, что вы предложили, в нашей стране незаконно.

Мы с Фелипе снова поникли – опять одновременно, в унисон – и погрузились в мрачное молчание. После долгой паузы я снова подала голос.

– Ну ладно, – проговорила я обреченно. – Давайте покончим с этим раз и навсегда. Если я выйду за Фелипе сейчас, прямо здесь, в вашем кабинете, выпустите его в Америку сегодня? Может, у вас и священник прибережен для таких случаев в аэропорту?

Бывают в жизни моменты, когда лицо у обычного человека становится как у ангела, – это случилось и тогда. Том, усталый, с брюшком и значком техасского отделения Министерства нацбезопасности, улыбнулся мне с такой грустью, добротой и светлым пониманием, каким совершенно не было места в этой душной бесчеловечной каморке. Он вдруг сам стал похож на священника.

– Не-е-т, – тихонько протянул он, – боюсь, так дела не делаются.

Теперь, оглядываясь назад, я, конечно, понимаю, что офицер Том уже тогда знал, что предстоит нам с Фелипе, – знал гораздо лучше нас. Он знал, что получить официальную визу жениху гражданки США будет ой как непросто, особенно после «пограничного инцидента» вроде этого. Офицер Том предвидел всю тягомотину, которая нас ждала: от адвокатов в трех странах на трех континентах, ни больше ни меньше, которые должны будут оформить все необходимые документы, от рапортов из федеральной полиции в каждой стране, где Фелипе когда-либо проживал, стопок личных писем, фотографий и прочих интимных свидетельств, которые нужно будет собрать, чтобы доказать, что наши отношения не выдуманные (в том числе, что меня особенно взбесило, общие банковские счета – ведь именно их мы с особенным усердием пытались в нашей жизни *не объединять*), до отпечатков пальцев, прививок, обязательного рентгена грудной клетки на туберкулез и собеседований в американских посольствах за границей; до выписок о военной службе, которые нам каким-то образом придется раздобыть, – тридцать пять лет назад Фелипе служил в бразильской армии; до невообразимого количества времени, которое Фелипе придется провести вне США, пока продолжается вся эта катавасия, и невообразимого количества затрат, и, хуже всего, до ужасающей неопределенности, что, возможно, всех этих усилий будет недостаточно, неуверенности в том, признает ли правительство Соединенных Штатов (которое в этом случае вело себя не

иначе как суровый, старых правил папаша) Фелипе в качестве супруга своей ревностно охраняемой законной дочери. Так вот, офицер Том знал обо всём этом заранее, и то, что он проявил к нам сочувствие ввиду того, что нам предстояло, было неожиданно добрым поступком в ситуации, которая иначе была бы абсолютно ужасной. Никогда до этого момента я не могла даже вообразить, что буду хвалить сотрудника Министерства нацбезопасности в книге, поэтому можете представить, в каком странном положении мы оказались.

Однако должна сказать, что офицер Том сделал ради нас еще одно доброе дело (прежде чем заковал Фелипе в наручники и отвез в окружную тюрьму Далласа, бросив на ночь в камеру с реальными преступниками). А сделал он вот что: оставил нас наедине в комнате для допросов на целых две минуты, чтобы мы могли спокойно попрощаться.

Когда на прощание с человеком, которого любишь больше всего на свете, у тебя всего две минуты, да к тому же неизвестно, когда вы снова увидите, язык путается, потому что хочешь сказать и сделать всё одновременно.

За две минуты наедине мы, запыхавшись, выработали поспешный план. Итак, согласно плану я должна была вернуться домой в Филадельфию, съехать из арендованного дома, отправить вещи на хранение, найти адвоката по иммиграционным делам и запустить юридический процесс. Фелипе, разумеется, отправится в тюрьму. Затем его депортируют в Австралию – пусть даже, строго говоря, это не депортация. (Прошу простить меня за то, что в этой книге я все же буду использовать термин «депортация», потому что просто не знаю, как назвать другими словами, когда человека вышвыривают из страны.) Поскольку в Австралии Фелипе давно уже не жил, у него не было там ни дома, ни финансовых перспектив. Когда я разберусь со всеми делами, то приеду к нему на другой конец света и мы как можно скорее обустроимся где-нибудь подешевле, скорее всего в Юго-Восточной Азии. Там мы вместе переждем этот период неопределенности, который неизвестно сколько продлится...

Пока Фелипе записывал для меня телефоны своего адвоката, взрослых детей и деловых партнеров, чтобы я могла предупредить всех о ситуации, в которой он оказался, я вытряхнула сумочку и стала отчаянно искать любые предметы, способные облегчить его пребывание в тюрьме: жвачку, все наличные деньги, бутылку воды, нашу совместную фотографию и книжку, которую я читала в самолете, с подходящим названием – «На что способны люди ради любви».

Затем его глаза наполнились слезами, и он сказал:

– Спасибо за то, что пришла в мою жизнь. Что бы теперь ни случилось, что бы ты ни решила делать дальше, знай: ты подарила мне два самых счастливых года в моей жизни, и я никогда тебя не забуду.

И тут я поняла: о боже, он думает, что я его брошу!

Его реакция удивила и растрогала меня, но больше всего пристыдила. Когда офицер Том сказал, что нам придется пожениться, мне и в голову не пришло отвергнуть этот вариант, способный спасти Фелипе от ссылки, – но, видимо, Фелипе посчитал, что я вполне могу его бросить. Он действительно боялся, что я оставлю его в подвешенном состоянии, без денег, в тюрьме. Так вот, значит, что он обо мне думает... Хотя наш роман продлился недолго, неужели я уже успела зарекомендовать себя как человек, который прыгает за борт при первой же сложности? Но, учитывая мое прошлое, были ли его страхи так неоправданны? Если бы на его месте оказалась я, то не сомневалась бы ни на минуту, что на него можно положиться, что он готов будет пожертвовать чем угодно ради меня. Но видел ли он во мне такую же опору?

Должна признать – случись всё это десятью – пятнадцатью годами раньше, я бы точно кинула партнера, оказавшегося в опасной ситуации. Увы, но в юности мои моральные качества были сомнительными (а кто-то скажет, их не было вовсе), и бестолковое и ветреное

поведение, можно сказать, было моим коньком. Но теперь для меня важно, чтобы меня считали человеком с сильным характером, и с возрастом это становится всё важнее.

В тот момент – а у нас наедине осталось всего несколько секунд – я сделала единственную правильную вещь, какую только могла сделать для мужчины, которого обожаю. Поклялась, выговаривая слова прямо ему в ухо, чтобы подчеркнуть всю серьезность своего намерения, что не оставлю его и сделаю все возможное, чтобы всё исправить. И даже если остаться в Америке у Фелипе не получится, мы все равно будем вместе, где бы это ни было.

Вернулся офицер Том.

В последний момент Фелипе прошептал мне:

– Я так тебя люблю, что даже готов на тебе жениться.

– И я люблю тебя так, – ответила я, – что даже готова выйти замуж.

На этом милые сотрудники Министерства нацбезопасности развели нас в стороны, надели на Фелипе наручники и проводили его сначала в тюрьму, а затем и вон.

В тот вечер в самолете, на пути домой в наш ныне не существующий маленький рай в Филадельфии, я более трезво задумалась о том, на что только что подписалась. К удивлению своему, мне не хотелось ни плакать, ни истерить – слишком уж серьезной была ситуация, чтобы делать то или другое. Вместо этого я преисполнилась каким-то зверским чувством сосредоточения, пониманием, что от меня требуется как можно большая серьезность. Всего за несколько часов наша с Фелипе жизнь перевернулась, как блинчик, поддетый гигантской космической лопаткой. И теперь, похоже, мы жених и невеста! Вот уж странная и быстрая помолвка, ничего не скажешь. Не Остин, а Кафка какой-то. И всё же помолвка официальная, потому что так надо.

Ну и ладно. Пусть будет так. По крайней мере, я не первая женщина в нашей семье, кому придется выйти замуж ввиду серьезных обстоятельств, – хотя, в моем случае, не по залету. Но рецепт-то одинаковый: жениться, и срочно. Это мы и сделаем.

Однако существовала одна реальная проблема, которую я и идентифицировала в самолете: я понятия не имела, *что такое брак*.

Один раз я уже сделала эту ошибку: вышла замуж, ничего толком не понимая в институте брака. Можно сказать, я просто выскочила замуж в совершенно незрелом возрасте двадцати пяти лет, и было это примерно как Лабрадор прыгает в бассейн – с полной дури, без понятия, к чему всё приведет. А ведь по-хорошему, в двадцать пять я была такой раздолбайкой, что мне нельзя было доверить выбор зубной пасты, не говоря уж о собственном будущем. И эта безответственность, можете себе представить, дорого мне обошлась. Шестью годами позже последствия пришлось разгребать лопатой, в мрачной обстановке бракоразводного суда.

Оглядываясь на день своей первой свадьбы, я всегда вспоминаю роман Ричарда Олдингтона «Смерть героя», то место, где он размышляет о судьбе двух своих героев в злополучный день их свадьбы: «Поистине неизмеримо было невежество, роковое невежество Джорджа Огеста и Изабель, когда те поклялись быть вместе до самой смерти». Как и олдингтоновская Изабель, я была романтической юной невестой, о которой тоже можно было бы написать: «То, чего она *не знала*, включало в себя почти весь спектр человеческих знаний. Проще перечислить, что она знала».

Однако теперь, в значительно менее романтическом возрасте тридцати семи лет, я не была уверена, что знаю о реалиях законного союза больше, чем тогда. Мой брак обернулся катастрофой, и потому я боялась его до смерти, но вряд ли это делало меня экспертом в брачных делах – скорее это делало меня экспертом лишь в катастрофах и смертельных страхах, областях, где и без меня навалом специалистов. И всё же судьба вмешалась и потребовала, чтобы я снова вступила в брак, а жизненный опыт научил меня, что вмешательство судьбы

порой следует воспринимать как приглашение встретиться лицом к лицу и даже побороть наши самые большие страхи. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять: когда обстоятельства вынуждают вас совершить то, чего вы всегда больше всего боялись и ненавидели, это может стать, по меньшей мере, любопытной возможностью для саморазвития.

И вот на рейсе из Далласа до меня постепенно дошло, что теперь, когда мой мир перевернулся, когда мой любимый выслан из страны и нам двоим хочешь не хочешь, а придется пожениться, – возможно, стоит использовать это время, чтобы каким-то образом примириться с идеей вступления в брак, прежде чем я снова брошусь в омут с головой. Возможно, было бы неплохо приложить усилия и попытаться разгадать загадку – что же, во имя Господа и истории человечества, это за предприятие, которое, несмотря на всю свою непонятность, раздражающую природу и противоречия, упрямо продолжает существовать уже много веков.

Этим я и занялась. В последующие десять месяцев, пребывая с Фелипе в ссылке, оторванная от корней и одновременно вынужденная вертеться колесом, чтобы вернуть его в Америку, где мы могли бы мирно пожениться (офицер Том предупредил: если мы поженемся в Австралии или еще где-нибудь, это лишь раздосадует Министерство национальной безопасности и затянет иммиграционный процесс), – единственным, о чем я думала, о чем читала и разговаривала с кем бы то ни было, был этот непонятный предмет – замужество.

Своей сестре, живущей в Филадельфии (которая очень кстати оказалась настоящим историком), я поручила прислать мне несколько коробок книг о браке. Где бы мы с Фелипе ни останавливались, я запиралась в комнате гостиницы и читала эти книги, проводя бесчисленное количество часов в компании таких выдающихся специалистов по предмету, как Стефани Кунц⁴ и Нэнси Котт,⁵ – исследователей, чьи имена я прежде никогда не слышала, но которым предстояло стать моими кумирами и наставниками.

По правде говоря, поглощенность предметом сделала из меня путешественника хуже некуда. За эти месяцы мы с Фелипе побывали во многих интересных и красивых местах, но, боюсь, я не всегда уделяла должное внимание нашему окружению. С самого начала это путешествие не являлось для меня беззаботным приключением. Оно больше походило на изгнание, на хиджру. Путешествовать, потому что не можешь вернуться домой, потому что одному из двоих по закону *нельзя* возвращаться домой, по определению не может быть приятным занятием.

Мало того, наша финансовая ситуация вызывала беспокойство. Оставалось меньше года до того, как «Есть, молиться, любить» предстояло стать бестселлером и принести деньги, но этого чудесного события пока не случилось, да мы на него и не рассчитывали. Фелипе перекрыли его источник дохода, поэтому мы жили на то, что осталось от моего последнего книжного гонорара, и не знали, хватит ли этих денег надолго. На какое-то время их, конечно, хватило бы, но не навсегда. Я только начала работу над новым романом, но подготовка и написание были прерваны депортацией Фелипе. Так мы и оказались в Юго-Восточной Азии, где два экономных человека вполне способны прожить на тридцать долларов в день.

Не могу сказать, что мы мучились в этот период изгнания (до голодающих политических беженцев нам было далеко, конечно), но всё же жизнь была очень странной и напряженной, и эти напряжение и странность ощущались еще заметнее, если учесть, что было непонятно, чем всё это кончится.

⁴ Кунц, Стефани (род. 1944) – американский ученый, автор трудов по истории семьи и брака.

⁵ Котт, Нэнси – профессор Гарвардского университета, автор книг о роли женщин в истории США и истории феминистского движения.

Мы странствовали по миру около года в ожидании того дня, когда Фелипе вызовут на собеседование в американское консульство в Сиднее. Переезжая из страны в страну, мы стали похожи на парочку, страдающую бессонницей и пытающуюся найти удобное положение для сна в чужой неудобной кровати. Не раз в беспокойную ночь (и действительно в чужой и неудобной кровати) я лежала в темноте и размышляла о своих внутренних конфликтах и предрассудках, связанных с замужеством, обдумывала прочитанное, выискивая в истории утешительные выводы.

Сразу скажу, мои исследования ограничились в основном изучением брака в западной истории, и это культурное ограничение отразилось в книге. Любой серьезный историк и антрополог, специализирующийся на вопросах брака, обнаружит в моем повествовании большие дыры – ведь я оставила без внимания целые континенты и века человеческой истории, не говоря уж о важнейших понятиях, относящихся к браку (к примеру, полигамия). Мне было бы интересно и, конечно, познавательно глубже окунуться во все существующие брачные обычаи на Земле, но у меня просто не было времени. Если бы я попыталась хотя бы разобраться в сложной природе брачных отношений в исламском обществе, одна эта тема заняла бы, наверное, годы исследований, а мои обстоятельства были срочными и препятствовали столь глубокому анализу. В моей жизни начался реальный отсчет: менее чем через год я должна была выйти замуж, нравится мне это или нет, хочу я этого или нет. Из-за этого я посчитала нужным сосредоточиться на истории моногамного западного брака, чтобы лучше разобраться в унаследованных мною предрассудках, той форме, которую приняла моя семейная история, и целом спектре комплексов, свойственных моей культуре.

Я надеялась, что все эти знания каким-то образом уменьшат мою глубокую неприязнь к институту брака. Я не знала, как именно это произойдет, но в прошлом всегда так и было – чем больше я узнавала о предмете, тем меньше он меня пугал. (Как в сказке про Румпельштильхена⁶ – иногда со страхом можно справиться, узнав настоящее имя злого карлика.) Больше всего мне хотелось найти способ каким-то образом порадоваться нашему с Фелипе браку, когда наступит торжественный день, а не глотать свою судьбу, как твердую и горькую таблетку. Можете считать меня старомодной, но мне казалось, что это такой милый нюанс – быть счастливой на собственной свадьбе. Точнее, *осознанно счастливой*.

Эта книга рассказывает о том, как мне это удалось.

И рассказ начинается (должен же каждый рассказ где-то начинаться) в горах Северного Вьетнама.

⁶ Известная сказка братьев Гримм о злом карлике, который пообещал дочери мельника научить ее спрягать солому в золото, если та отдаст ему своего первенца. Впоследствии карлик поставил условие: если девушка отгадает его имя, он оставит ей ребенка.

Глава 2

Замужество и ожидания

Мужчина может быть счастлив с любой женщиной – при условии, что он ее не любит.

Оскар Уайльд

В тот день меня подстерегла маленькая девочка.

Мы с Фелипе прибыли в деревню с ханойского ночного поезда – грохочущего, грязного, советских времен. Не помню точно, почему мы отправились именно в это захолустье – кажется, нам его порекомендовала компания молодых датских бэкпекеров.⁷ Как бы то ни было, после долгого путешествия в дребезжащем загаженном поезде нас ждало столь же долгое путешествие в дребезжащем загаженном автобусе.

Наконец автобус высадил нас в месте такой красоты, что подкашивались колени, на самой границе с Китаем – зеленая, дикая глушь. Мы нашли гостиницу, а когда я одна вышла на улицу побродить по деревне и размять затекшие в пути ноги, ко мне подошла та малышка.

Ей было двенадцать лет, как я потом узнала, но по сравнению с двенадцатилетними американками она была просто Дюймовочкой. Красивая до жути: смуглая, гладкая кожа, блестящие волосы, заплетенные в косички; компактная фигурка, крепкая, уверенная; одета в короткую вязаную тунику. На ногах у нее были яркие шерстяные рейтузы, хотя стояло лето и дни были знойные; единственное, что отвечало сезону, – пластиковые шлепанцы китайского производства.

Девочка поджидала у гостиницы уже какое-то время – я заприметила ее, еще когда мы заселялись. И вот теперь, когда я вышла на улицу без сопровождения, она без стеснения накинулась на меня:

– Как тебя зовут?

– Лиз. А тебя?

– Май. Могу записать по буквам, чтобы ты научилась писать без ошибок.

– Ты хорошо говоришь по-английски, – похвалила я.

Май пожалала плечами:

– Конечно. Часто тренируюсь, с туристами. Еще я говорю по-вьетнамски, по-китайски и немножко – по-японски.

– А как же французский? – пошутила я.

– *Un peu*⁸, – кивнула она и хитро взглянула на меня. А потом спросила: – Откуда ты, Лиз?

– Из Америки, – ответила я и, решив подтронуть над ней – ведь понятно же, что она из этой деревни, – задала встречный вопрос: – А ты откуда такая взялась, Май?

Она сразу поняла, что я над ней подшучиваю, и приняла вызов.

– Из маминого животика, – последовал ответ, и в этот момент я совершенно в нее влюбилась.

Май действительно была из Вьетнама, но, как я позже узнала, вьетнамкой себя не считала. Она была из племени *хмонгов* – гордого этнического меньшинства (те, кого антропологи называют «коренным населением»), живущего в уединении и населяющего самые высокие горные хребты Вьетнама, Таиланда, Лаоса и Китая. Как и курды, хмонги нико-

⁷ Путешественник, принципиально отказывающийся от услуг туроператоров, выбирающий маршрут и средства передвижения самостоятельно.

⁸ Немного (*фр.*).

гда по-настоящему не считали себя гражданами той страны, в которой проживают. Удивительным образом они остаются в числе самых независимых народов на Земле – сочинителей легенд, кочевников, воинов, прирожденных нонконформистов и проклятия всех наций, когда-либо пытавшихся подчинить их себе.

Чтобы осознать парадокс существования хмонгов, представьте, к примеру, что индейское племя *могавков* до сих пор живет в элитном районе Нью-Йорка, как жили веками, носит традиционное платье, говорит на своем языке и наотрез отказывается ассимилироваться. Наткнуться на деревню хмонгов вроде той, куда попали мы, в начале двадцать первого века – чистой воды анахроническое чудо. Их культура предоставляет ныне почти исчезнувшую возможность увидеть, как жили люди в стародавние времена. Одним словом, если вы хотите узнать, как выглядела семейная жизнь четыре тысячи лет назад, приезжайте к хмонгам, и вы увидите нечто подобное.

– Послушай, Май, – сказала я. – Не хочешь сегодня побыть моей переводчицей?

– Зачем? – спросила Май.

Хмонги славятся своей прямоотой, поэтому я ответила прямо:

– Хочу поговорить с женщинами из твоей деревни о том, как им живется в браке.

– Зачем? – повторила она.

– Потому что я скоро выхожу замуж, и мне нужен совет.

– Для замужества ты слишком старая, – заметила добрая Май.

– Ну, мой парень тоже старый, – сказала я, – ему пятьдесят пять лет.

Она пригляделась ко мне повнимательнее, протяжно присвистнула и проговорила:

– Ого-го. Повезло же парню.

Не знаю, почему Май решила помочь мне в тот день. Из любопытства? Из скуки? В надежде, что ей перепадет пара монет? (Я, разумеется, ей заплатила.) Но, независимо от причины, она согласилась.

Вскоре, взобравшись на крутой соседний холм, мы оказались в каменном доме Май. Приютившийся в одной из самых прекрасных речных долин, которые только способно нарисовать воображение, он был маленький, почерневший от сажи и полутемный внутри (свет в него попадал через пару окон). Май пригласила меня войти и представила группе женщин, которые или что-то ткали, или жарили, или чистили.

Из всех присутствующих больше всего меня заинтриговала бабушка моей провожатой. Росточком в метр двадцать, беззубая, она смеялась громче всех и была, пожалуй, самой довольной бабушкой из всех, кого мне доводилось встречать в жизни. А самое главное, она смеялась, глядя на меня. Всё во мне казалось ей ну просто уморой. Она напялила мне на голову высокую хмонговскую шапку и расхохоталась, показывая на меня пальцем. Потом сунула мне в руки крошечного хмонговского ребятенка, ткнула пальцем и зашлась еще сильнее. Завернув меня в шикарную хмонговскую ткань, она снова показала пальцем и покати-лась со смеху.

Впрочем, я была не против. Я давно уже поняла, что, будучи чужаком в далекой стране да еще великанского роста, непременно станешь объектом насмешек. Но поскольку ты гостя, надо быть вежливой и терпеть.

Вскоре в дом набились другие женщины, соседки и родственницы. Они тоже показывали мне свое рукоделие, надевали мне на голову свои шляпы, совали в руки малышей, тыкали пальцем и смеялись.

Май объяснила, что в этом доме, где была всего одна комната, жила вся ее семья – почти двенадцать человек в общей сложности. Спали все вместе, на полу. С одной стороны была кухня, с другой – дровяная печь для обогрева зимой. Рис и кукурузу хранили на чердаке над кухней, а поросят, кур и водяных, или азиатских, буйволов держали неподалеку.

Во всем доме было одно-единственное огороженное пространство, да и то не больше чулана. В этом месте, как я потом узнала из книг, новобрачным позволялось спать первые несколько месяцев после свадьбы, чтобы их сексуальная жизнь протекала в уединенной обстановке. Однако после короткого периода уединения молодая пара снова возвращается к семье и спит на полу вместе со всеми – и так до конца жизни.

– Я тебе говорила, что мой папа умер? – спросила Май, показывая мне дом.

– Мне очень жаль, – ответила я. – Когда это произошло?

– Четыре года назад.

– Как он умер, Май?

– Просто умер, – спокойно ответила девочка, тем самым предупредив все дальнейшие расспросы.

Ее папа умер от смерти. Так, наверное, все люди умирали, прежде чем мы стали много думать, отчего и как.

– Когда он умер, на похоронах мы ели водяного буйвола. – При этом воспоминании лицо Май вспыхнуло целой радугой эмоций: печаль от утраты отца, но и удовольствие при мысли о том, какой вкусный был буйвол.

– Твоей маме одиноко?

Май пожала плечами.

Трудно представить, что кому-то здесь может быть одиноко. Не легче и найти в этой толпе домочадцев счастливую сестру одиночества – уединение. Май с матерью жили в постоянном соседстве с огромным числом людей. Не впервые за много лет путешествий меня поразило, какой изоляции мы подвергаемся в современном американском обществе по сравнению с этим. Там, откуда я родом, само *понятие семьи* уменьшилось до таких крошечных масштабов, что любой из этого многочисленного, обширного, гостеприимного клана хмонгов и вовсе не посчитал бы это семьей. Чтобы изучить современную западную семью, понадобится электронный микроскоп. Что мы имеем: два, ну, может, три, а в лучшем случае четыре человека, которые болтаются на огромной домашней территории. У каждого есть собственное физическое и психологическое пространство, и каждый проводит большую часть дня безо всякого контакта с другими.

Я вовсе не хочу сказать, что «усыхающая» современная семья – это по всем пунктам плохо. Безусловно, когда женщина рождает меньше, ее жизнь и здоровье улучшаются, и это очень веский аргумент в противовес столь привлекательной культуре многочисленного клана. К тому же социологи давно выяснили, что, когда так много родственников различных возрастов живут вместе в близком соседстве, увеличивается число случаев инцеста и растления малолетних. В такой толпе сложно уследить за каждым человеком в отдельности, сложно и защитить отдельных людей – не говоря уж об индивидуальности.

Но все же в наших современных, таких одиноких и закрытых семьях мы что-то да утратили. Наблюдая, как общаются между собой женщины-хмонги, я невольно задумалась о том, не привела ли эволюция западной семьи (семья становится всё меньше, всё малочисленнее) к повышенной напряженности в отношениях современных супругов? Например, у хмонгов мужчины и женщины проводят вместе не так уж много времени. Ну да, допустим, мужу тебя есть. Допустим, вы занимаетесь сексом, и судьбы ваши связаны навеки. Может, даже и любовь присутствует. Но в остальном жизнь мужчины и женщины совершенно четко разделена: каждый обитает в своем мире, у каждого свои задачи в зависимости от пола. Мужчины работают и общаются с другими мужчинами; женщины работают и общаются с другими женщинами. В подтверждение скажу, что в тот день в доме Май я не видела ни одного мужчины. Что бы они там ни делали (работали в поле, пили, разговаривали или играли в карты), они делали это где-то в другом месте, одни, в другой – неженской – Вселенной.

Таким образом, женщина-хмонг ни в коем случае не ожидает, что ее муж станет ее лучшим другом, самым близким поверенным, советником в эмоциональных делах и равным по интеллекту, утешением в печальные времена. Вместо этого она ищет подобного рода эмоциональную подпитку и поддержку у других женщин – сестер, тетюшек, матерей, бабушек. В жизни женщины-хмонга есть много людей, голосов и мнений, служащих эмоциональной опорой и окружающих ее постоянно. Куда ни повернись, везде родные лица, и многочисленные женские руки превращают серьезные жизненные трудности в легкую или, по крайней мере, в не столь тяжелую работу.

В конце концов, когда исчерпались все приветствия, когда всех малышей покачали, смех утих, и наступило вежливое молчание; мы все сели. Май была переводчицей, и я начала с того, что попросила бабушку рассказать о том, как у хмонгов справляют свадьбы.

Всё очень просто, терпеливо объяснила бабуля. Прежде чем традиционная свадьба хмонгов имеет место, родственники жениха должны явиться в дом невесты, чтобы семьи договорились о расходах, назначили дату и составили план. В это же время обязательно убивают курицу, чтобы ублажить семейных духов. С наступлением дня свадьбы забивают свиней. Готовят праздничное угощение, и со всех деревень на праздник съезжаются родственники. Обе семьи делят расходы поровну. Процессия идет к свадебному столу, и один из родственников жениха обязательно несет зонтик.

Тут я прервала бабулю и спросила, что символизирует зонтик, однако это вызвало конфуз. Скорее всего, смутило их, собственно, слово «символизировать». Зонтик он зонтик и есть, ответили мне, и его несут потому, что на свадьбе всегда кто-то должен нести зонтик. Иначе – потому что потому, так есть и всегда было.

Разъяснив вопрос с зонтиком, бабушка перешла к традиционному хмонговскому брачному обычаю похищения невесты. Это древний ритуал, сказала она, хотя в наше время практикуется он не так повсеместно, как прежде. Но всё же сохранился до сих пор. Невесту, которую иногда предупреждают о предстоящем похищении, а иногда нет, похищает потенциальный жених и отвозит на пони в свой дом. Весь этот процесс строго организован и разрешается лишь в определенные дни в году, в праздники после рыночных дней. (Нельзя похитить невесту когда заблагорассудится, понимаете? Есть правила.) Три дня похищенная девушка живет в доме похитителя с его семьей, чтобы понять, хочет она выходить за него замуж или нет. Обычно, сообщила бабушка, брак заключается с согласия невесты. В тех редких случаях, когда похищенная жить с похитителем отказывается, по окончании трех дней ей разрешают вернуться домой к своей семье и о деле забывают. По-моему, всё довольно разумно, если учесть, что речь идет о похищении.

Но когда я попыталась заставить бабушку рассказать историю ее брака, надеясь выудить у нее пару эмоциональных воспоминаний о собственном семейном опыте, мы с моими собеседницами наткнулись на стену. Стоило мне спросить старушку:

– Когда вы впервые увидели своего мужа, что вы о нем подумали? – это сразу же вызвало непонимание, на ее морщинистом лице появилось озадаченное выражение.

Решив, что она или Май не так поняли мой вопрос, я перефразировала:

– Когда вы поняли, что ваш муж и есть тот, за кого вы хотели бы выйти замуж?

И снова ответом мне было вежливое недоумение.

– Вы сразу поняли, что он особенный? – попробовала я другой подход. – Или полюбили его уже потом?

В этот момент кто-то из женщин в комнате нервно захихикал, как хихикают в присутствии ненормальных – а именно такой, видимо, я только что стала в их глазах.

Я пошла на попятную и опробовала другую тактику:

– Когда вы впервые встретились с мужем?

Бабуля покопалась в памяти, но не смогла вспомнить ничего более определенного, чем «очень давно». Кажется, ее этот вопрос не слишком занимал.

– Хорошо, а *где* вы познакомились? – спросила я, стараясь как можно больше упростить дело.

И снова сама природа моего любопытства оказалась для бабушки сущей загадкой. Но из вежливости она попыталась вспомнить. Нет, она не встречалась с мужем до самой свадьбы, объяснила она. Она видела его, конечно. Ведь в доме постоянно болтались какие-то люди. Но точно она не помнит. Да и вообще, разве это важно – ведь она тогда была совсем девчонкой. Зато теперь, заключила бабуля, к восторгу всех присутствующих в комнате женщин, теперь-то она точно с ним знакома!

– Но когда вы его полюбили? – наконец спросила я в лоб.

В ту же секунду, как Май перевела мой вопрос, все женщины в комнате, за исключением бабушки, которая была слишком вежлива, громко расхохотались – это был настоящий спонтанный взрыв хохота, который они попытались скрыть, прикрывая ладошками рот.

Думаете, это меня остановило? Пожалуй, мне следовало бы смутиться, но я не унималась и, переждав хохот, задала вопрос, который рассмешил их еще сильнее.

– А в чем, по-вашему, секрет счастливого брака? – на полном серьезе спросила я.

Вот тут-то они сорвались окончательно. Даже бабуля принялась повизгивать от хохота в открытую.

Ну ладно, подумала я. Как я уже говорила, не имею ничего против того, чтобы в чужой стране надо мной смеялись, как над клоуном. Но в этом случае, должна признаться, всё это веселье несколько смущало, потому что я не понимала, в чем шутка. А понимала я лишь одно: мы с этими дамами-хмонг явно говорим на разных языках (я имею в виду, помимо того факта, что мы действительно говорим на разных языках). Но что такого смешного в моем вопросе?

В последующие недели я все время проигрывала этот разговор в голове и была вынуждена выстроить собственную теорию о том, почему же между мной и хозяйками дома возникло такое непонимание, такие различия, когда речь зашла о браке. Вот моя теория: всё дело в том, что ни бабушка, ни другие женщины в той комнате не считали брак главным событием в своей эмоциональной биографии, каким бы считала его я. В современном индустриальном западном обществе, откуда я родом, человек, которого вы выбираете себе в супруги, является, пожалуй, наиболее ярким отражением вашей личности. Ваш супруг становится прозрачным и сверкающим зеркалом, посредством которого ваша индивидуальная картина эмоций отражается в мир. Ведь нет более индивидуального выбора, чем выбор супруга; этот выбор способен рассказать почти всё о том, что вы собой представляете. Спросите любую типичную современную западную женщину, как она познакомилась с мужем, когда и почему в него влюбилась, и можете быть уверены – вас ждет полный, детальный и глубоко прочувствованный рассказ, не просто тщательно выстроенный в соответствии с ее опытом, но и проанализированный на предмет ключей к собственной индивидуальности. Более того, скорее всего она будет рада поделиться с вами этой историей, даже если видит вас впервые. Годы опыта научили меня тому, что вопрос «Как вы познакомились с мужем?» – один из лучших способов наладить общение. Даже не важно, счастливый ли в итоге оказался брак или закончился полным крахом: женщина всё равно воспринимает эту историю как значимую часть своего эмоционального мира – а может, и его ключевую часть.

Кем бы ни была та самая западная женщина, можете быть уверены, в ее истории будут два участника – супруг и она сама. Каку героев романа или фильма, у каждого из них до встречи друг с другом была какая-то собственная история. И вот в судьбоносный момент их жизненные пути пересеклись. (Например: «Тем летом я жила в Сан-Франциско, но вовсе не собиралась там оставаться – пока не встретила Джима на вечеринке».) В рассказе наверняка

будут элементы драмы и саспенса («Он думал, что парень, с которым я пришла, мой бойфренд, но это был всего лишь Ларри, мой друг-гей!»). Обязательно – сомнения («Вообще-то мне такие мужчины обычно не нравятся, я больше люблю интеллектуалов»). Но главное, эти истории всегда кончаются спасением («Не могу представить, как я без него жила!») или, если дело не выгорело, прозрением не в пользу бывшего («Ну как я сразу не догадалась, что он лжец и алкоголик?»). Невзирая на детали, можете быть уверены: современная женщина с Запада успела проанализировать свою любовную историю со всех возможных углов и за годы высечь из нее золотое эпическое изваяние или, в случае с другим исходом, мумифицировать рассказ в горькую поучительную басню.

И вот тут рискну заявить: *женщины-хмонги так не делают*. По крайней мере, те хмонги, которых я знаю.

Поймите, я не антрополог и признаю, что беру на себя слишком много, рассуждая о культуре хмонгов. Мой личный опыт общения с этими женщинами ограничивается одним лишь разговором как-то днем, с двенадцатилетней попрыгушкой в качестве переводчицы – поэтому можно предположить, что какой-то нюанс этой древней и сложной культуры я упустила. Я также признаю, что, возможно, эти женщины посчитали мои вопросы вмешательством в личную жизнь, а то и оскорблением. С какой стати им делиться глубоко личными историями со мной, любопытной курицей, явившейся без приглашения? Даже если они и пытались рассказать мне о своих отношениях, смысловые тонкости наверняка потерялись при переводе или пали жертвой культурного непонимания.

За мою профессиональную карьеру мне пришлось провести немало интервью, и я знаю, что умею внимательно слушать и наблюдать. Кроме того, как и все мы, попав в незнакомый дом, я сразу отмечаю, в чем разница между восприятием и поведением его обитателей и тем, как принято вести у себя дома. Скажем так: в тот день в доме хмонгов я была гостем, чуть более наблюдательным, чем обычно, уделяющим чуть больше обычного внимания своим чуть больше обычного разговорчивым хозяевам. Выступая в этой и лишь в этой роли, я с уверенностью заявляю, чего *не увидела* в тот день в доме бабушки Май. *Я не увидела* женщин, которые сидели бы и рассказывали сто раз продуманные заранее легенды и поучительные басни о своем замужестве. Это показалось мне столь примечательным, потому что я не раз видела и слышала, как женщины во всем мире рассказывают продуманные легенды и поучительные басни о своем замужестве в любой компании и при малейшей провокации. Но женщин-хмонгов всё это, казалось, совершенно не интересовало. Ну не лепили они из своих мужей ни героев, ни злодеев, сочиняя глобальную, подробную и эпическую Легенду об Эмоциональном Становлении!

При этом я не говорю, что эти женщины не любят своих мужей, или не любили их раньше, или не способны любить. Глупо было бы утверждать подобные вещи, потому что люди везде влюбляются, и так было всегда. Романтическая любовь свойственна всем. Во всех уголках земли есть свидетельства великой страсти. У всех культур есть песни о любви, любовные заклинания и молитвы. Людские сердца разбиваются независимо от социального положения, религиозной или половой принадлежности, возраста или образования. (В Индии, между прочим, отмечается Национальный день разбитых сердец – 3 мая, а в Папуа – Новой Гвинее есть племя, мужчины которого сочиняют грустные любовные песни, *намай*, посвященные трагическим историям о так и не состоявшихся брачных союзах.) Моя подруга Кейт однажды ходила на концерт монгольского горлового пения – редкий случай, когда группа исполнителей отправилась в мировое турне и приехала в Нью-Йорк. Музыка казалась невыносимо печальной, хотя слова были ей непонятны. После концерта она подошла к солисту-монголу и спросила: «О чем это вы пели?» И он ответил: «Мы поем о том же, о чем все: о пропавшей любви и о том, как кто-то украл самого быстрого коня».

Поэтому сомнений быть не может: и хмонги влюбляются. Один человек нравится им больше другого, они скучают по любимому, если он умер, или вдруг понимают, что по необъяснимой причине им очень нравится запах другого человека или его смех. Но, возможно, они просто не верят, что вся эта романтика имеет какое-либо отношение к причинам, по которым следует вступать в брак. Вероятно, они просто думают, что эти два понятия (любовь и брак) не должны непременно пересекаться – ни в начале отношений, ни вообще. Может, им кажется, что брак – это что-то совсем другое?

Если эта мысль неприемлема для вас или кажется безумной, вспомните, что совсем недавно в западной культуре брак воспринимался точно также – без всякой романтики. Браки, устроенные родителями, никогда не были характерной чертой американской жизни (и тем более похищение невест), но уж брак по расчету всегда был обычным делом в определенных кругах нашего общества до самой недавней поры. Под «браком по расчету» я подразумеваю любой союз, в котором интересы общества ставятся выше интересов двух непосредственных участников процесса. В среде американских фермеров, к примеру, такие браки были нормой в течение многих поколений.

Между прочим, я сама знаю о таком прагматичном браке не понаслышке. Я выросла в маленьком городке в Коннектикуте, и из всех соседей мне больше всего нравилась седовласая супружеская пара – Артур и Лиллиан Вебстеры. Вебстеры держали молочную ферму и жили по незыблемому своду классических североамериканских ценностей. Они были скромны и экономны, щедры и трудолюбивы, религиозны без фанатизма, имели ненавязчивую общественную позицию и воспитывали троих детей законопослушными гражданами. Доброта их не знала границ. Мистер Вебстер звал меня Кудряшкой и разрешал часами ездить на велосипеде по своей аккуратно заасфальтированной площадке для машин. А если я вела себя очень хорошо, миссис Вебстер давала мне поиграть со своей коллекцией антикварных аптечных скляночек.

Несколько лет назад миссис Вебстер умерла. Через пару месяцев после ее смерти я зашла к мистеру Вебстеру поужинать, и мы разговорились о его жене. Мне хотелось узнать, как они познакомились, как полюбили друг друга – всю романтическую прелюдию их совместной жизни. Короче говоря, я задала ему те же вопросы, что и женщинам из племени хмонг во Вьетнаме, и получила те же ответы – точнее, *не* получила. Мне не удалось добиться от мистера Вебстера ни одного романтического воспоминания о начале их отношений с женой. Он даже признался, что не помнит, когда точно познакомился с Лиллиан. Помнит только, что она до этого всегда жила в городе. И уж точно это была не любовь с первого взгляда. Не было никаких электрических разрядов, никакой искорки мгновенного притяжения. Он вообще никогда не был в нее влюблен.

– Так зачем вы на ней женились? – спросила я.

И мистер Вебстер, прямо и деловито, как свойственно настоящему янки, ответил, что женился, потому что брат ему сказал. Вскоре Артуру предстояло взять на себя заботы о семейной ферме, и ему нужна была жена. Без жены, как и без трактора, держать ферму нельзя. Это был неромантический брак, но молочная ферма в Новой Англии – дело вообще неромантическое, и Артур понимал, что брат прав. И вот прилежный и послушный мистер Вебстер отправился в город и, как и следовало, нашел себе жену. Его послушать, так любая молодая девушка могла бы удостоиться титула миссис Вебстер вместо Лиллиан, и особой разницы никто бы не ощутил. Просто так вышло, что Артур выбрал именно ту блондиночку, что работала в фермерском бюро в городе. Возраст у нее был подходящий. Она была миленькой. Здоровой. Доброй. Короче, годной для замужества.

Таким образом, очевидно, что брак Вебстеров не произошел из страстной, сердечной, горячей любви – как и замужество хмонговской бабули. Можно даже предположить, что это

был брак *без любви*. Но с такими выводами надо быть поосторожнее. Уж я-то знаю, во всяком случае если речь о Вебстерах.

В последние годы жизни миссис Вебстер поставили диагноз – болезнь Альцгеймера. В течение почти десяти лет это некогда сильная женщина угасала, и всем, кто ее знал, было больно на это смотреть. Ее муж, прагматичный старый фермер, заботился о ней все время, пока она умирала. Он ее купал, кормил – забросил все дела, чтобы ухаживать за женой, и научился жить с ужасными последствиями ее болезни. Он продолжал ухаживать за ней, хотя она уже не понимала, кто он такой – и кто она сама. Каждое воскресенье мистер Вебстер наряжал ее в опрятную одежду, усаживал в кресло-каталку и вез на службу в ту самую церковь, где они поженились почти шестьдесят лет назад. Он делал это, потому что Лиллиан всегда нравилась эта церковь, и он знал, что она была бы благодарна ему за его поступок, если бы только находилась в здравом сознании. Каждое воскресенье Артур сидел на церковной скамье рядом с женой и держал ее за руку, а она постепенно удалялась от него в полное забвение.

Если это не любовь, то объясните мне, пожалуйста, очень хорошо объясните, что же такое любовь на самом деле?

Но при этом тоже нельзя делать опрометчивые заявления и предполагать, что все браки по расчету, или по договоренности, или браки, начавшиеся с похищения невесты, за всю историю человечества непременно приводят к долгой и счастливой жизни. Вебстерам просто повезло, до определенной степени. (Хотя подозреваю, что не обошлось и без достаточно серьезной работы над отношениями.) Но у мистера Вебстера и хмонгов есть кое-что общее: идея о том, что эмоциональная картина в начале брака не так важна, как картина в конце, спустя многие годы совместной жизни. Более того, они наверняка согласились бы, что существует *не* один-единственный «особенный» человек, который поджидает вас где-то во Вселенной и способен наполнить вашу жизнь смыслом как по мановению волшебной палочки. Таких людей много (может, даже в вашем ближайшем окружении), и с каждым из них можно наладить уважительные отношения. А потом можно жить и работать рядом с избранником долгие годы в надежде, что конечным результатом союза станет нежность и привязанность.

В конце вечера в доме Май моя теория вполне отчетливо подтвердилась. Это произошло, когда я задала бабуле-хмонг последний вопрос, который тоже показался ей странным и непонятным:

– Ваш муж – хороший муж?

Бабуле пришлось попросить внучку повторить вопрос несколько раз, чтобы убедиться, что она расслышала верно: *хороший ли у нее муж?* После чего она в недоумении взглянула на меня, как будто ее спросили: вот эти камни, из которых состоят горы, где вы живете, – это *хорошие камни?*

Она не смогла придумать лучшего ответа, чем такой: муж у нее ни хороший, ни плохой. Он просто муж, и всё. Такой, как все мужья. Когда она говорила о нем, казалось, слово «муж» для нее означает профессию или даже биологический вид, а не отдельного сильно обожаемого или ненавистного ей человека. Роль «мужа» была довольно простой и включала ряд обязательств, которые ее мужчина, видимо, выполнял удовлетворительно на протяжении всей совместной жизни. У других женщин – то же самое, добавила она, – разве что совсем не повезло и достался настоящий пень. Бабуля дошла до того, что заявила: неважно, по сути, за кого выходить замуж. За редкими исключениями все мужчины более-менее одинаковые.

– Что вы имеете в виду? – спросила я.

– Все мужчины и женщины более-менее похожи друг на друга, как правило, – разъяснила бабуля. – Это все знают.

Другие женщины-хмонги согласно кивнули.

Позвольте на минутку остановиться и сделать смелое и, наверное, совершенно очевидное заявление.

Хмонга из меня уже не получится.

Да что уж там, из меня и Вебстера не выйдет.

Я родилась в конце двадцатого века, в средней американской семье. Как и бесчисленные миллионы других людей в современном мире, рожденных в схожих обстоятельствах, меня воспитывали с верой в то, что я особенная. Мои родители (они не были хиппи или радикалами и голосовали за Рейгана дважды, между прочим) попросту верили в то, что у их детей есть таланты и мечты, которые отличают их от других детей. Мою индивидуальность всегда ценили и отличали от индивидуальности моей сестры, друзей и всех остальных. Хотя я ни в коем случае не была избалованной, родители верили, что мое счастье имеет значение и я должна найти такой путь в жизни, который поддерживал бы и отражал мой личный поиск счастья.

Тут надо добавить, что все мои друзья и родные воспитывались примерно в таком же ключе. За исключением самых консервативных семей или семей недавних иммигрантов, все мои знакомые на том или ином уровне разделяли идею культурного уважения индивидуальности. Независимо от религии и уровня доходов мы все следовали одной догме, которая появилась совсем недавно, свойственна исключительно Западу и может быть описана в двух словах: «Ты – вот что имеет значение».

Я не хочу сказать, что хмонги не считают своих детей заслуживающими особого отношения, напротив, антропологи считают, что именно они являются самыми заботливыми семьями в мире. Но совершенно очевидно, что их общество не поклоняется алтарю индивидуального выбора. Как и у большинства традиционных общин, семейную догму хмонгов можно выразить не словами «Ты – вот что имеет значение», а фразой «Твоя роль важна». В той деревне все знали, что в жизни есть обязанности; некоторые обязанности выполняют мужчины, другие – женщины, и все должны стараться изо всех сил. Если ты хорошо выполняешь свою роль, то можешь спокойно спать ночью, зная, что ты хороший муж или хорошая жена, – и не надо ждать большего от жизни или отношений.

Встреча с женщинами-хмонгами в тот день во Вьетнаме напомнила мне старую поговорку: «Если есть ожидания, будут и разочарования». Моей знакомой бабуле-хмонг никогда не внушали, что задача ее мужа – сделать ее бесконечно счастливой. Более того, ей не внушали, что ее задача на этой земле – стать бесконечно счастливой. Она никогда не питала таких ожиданий, и потому в браке ее не постигло разочарование. Ее брак выполнил свою роль, необходимую социальную задачу: он был тем, чем и должен был быть, и ее это устраивало.

Меня же, напротив, всегда учили тому, что поиски счастья – это мое естественное (и даже гражданское) право, право по рождению. Поиски счастья – эмоциональная характеристика моей культуры. И не просто любого счастья, а глубокого, даже райского блаженства. А что, как не романтическая любовь, способно принести человеку райское блаженство? Моя культура всегда внушала, что брак должен быть чем-то вроде теплицы, в которой романтическая любовь будет расти и цвести. Вот я и сажала грядку за грядкой великих ожиданий в несколько покосившейся теплице своего первого брака. Это был образцовый огород из ожиданий, но за все свои заботы я получила с него лишь урожай горьких плодов.

Мне кажется, попытайся я объяснить всё это бабуле-хмонгу, та бы ни слова не поняла. И наверняка ответила бы точно так же, как одна пожилая дама, встреченная мною в Южной Италии. Когда я призналась, что ушла от мужа, потому что замужество принесло мне одни несчастья, она спокойно ответила: «А кто счастлив?» И махнула рукой, давая понять, что разговор окончен.

Заметьте, я вовсе не хочу романтизировать простую крестьянскую жизнь в живописной деревушке. Скажу начистоту: у меня нет никакого желания меняться местами с женщинами, которых я встретила в деревне хмонгов во Вьетнаме. Мне такая жизнь не нужна хотя бы по той причине, что у них у всех ужасные зубы. К тому же было бы нелепо и оскорбительно пытаться перенять их взгляд на мир. Неумолимое наступление промышленного прогресса означает, что скорее хмонгам придется перенимать мой взгляд на мир в ближайшие годы.

И между прочим, это уже происходит. В наши дни, когда в связи с наплывом туристов молоденькие девочки вроде моей двенадцатилетней подруги Май постоянно видят западных женщин, им приходится переживать первые критические минуты культурных сомнений. Я называю это явление «А ну-ка, минуточку!» – тот поворотный момент, когда девочки из традиционных обществ начинают задумываться: а чем, собственно, хороша жизнь, где замуж выходят в тринадцать, а рожают немногим позже? Они начинают думать и о том, что, возможно, предпочли бы другой выбор – или хотя бы *возможность сделать выбор*, раз уж на то пошло. И как только такие мысли забираются в голову этим девчонкам, пиши пропало. Взять Май – умная, наблюдательная, говорит на трех языках. Она уже имеет представление о том, какие еще пути ждут ее в жизни. Совсем скоро она заявит о себе. Другими словами, скоро и у хмонгов *быть хмонгами* перестанет получаться.

Поэтому нет, я вовсе не хочу – да и не могу, наверное, – отказаться от своей жизни, полной индивидуалистических стремлений, доставшихся мне по праву рождения в современную эпоху. Подобно большинству людей, стоило мне только узнать, что в жизни может быть не один путь, а много, я поняла, что всегда буду хотеть, чтобы у меня было больше выбора: выбор, чтобы выразить себя, индивидуальный выбор, случайный, неоправданный, иногда рискованный... но в любом случае это *будет мой* выбор. Если бы бабуля-хмонг узнала о том, сколько возможностей было предоставлено мне в жизни – а их было так много, что мне почти стыдно, – у нее бы глаза на лоб полезли. В результате такой личной свободы моя жизнь принадлежит лишь мне и отражает мою личность до степени, совершенно невыносимой в горах Северного Вьетнама – даже в наши дни. Я представляю собой абсолютно новый вид женщины (можете называть его *хомо безграниченс*). И хотя наш храбрый новый вид обладает обширными, великими и почти безграничными возможностями, важно помнить, что жизнь, столь богатая вариантами, в перспективе чревата и новыми неприятностями. Мы подвержены эмоциональным сомнениям и неврозам, которые вряд ли знакомы нашим друзьям хмонгам, но среди моих современников, скажем в Балтиморе, встречаются сплошь и рядом.

Проблема, просто говоря, в том, что нельзя выбрать всё и сразу. Вот мы и живем, опасаясь, что нерешительность парализует нас, в ужасе, что каждый выбор может быть неправильным. (Одна моя подруга настолько мнительна, что ее муж шутит: ее автобиография будет называться «*Надо было всё-таки взять кровати*»).

Не меньше путает и ситуация, когда мы всё-таки делаем выбор и нам начинает казаться, будто, согласившись на одно-единственное железобетонное решение, мы уничтожили какую-то частичку себя. Мы боимся, что, выбрав дверь номер три, мы убьем иную, но не менее важную часть нашей души, которая могла бы проявить себя, если бы мы вошли в дверь номер один или два.

Философ Одо Маркар обратил внимание на существующую в немецком языке связь между словами *zwei*, которое означает два, и *zweifei*, сомнение, предположив тем самым, что наличие двух вариантов чего бы то ни было автоматически привносит в нашу жизнь неопределенность. А теперь представьте жизнь, в которой человеку каждый день предоставляется не два и даже не три, а десятки вариантов выбора, – и вы поймете, почему, несмотря на все блага современного мира, он превратился в настоящий генератор неврозов. В мире с таким изобилием возможностей многие из нас попросту немеют от нерешительности. Или же мы

раз за разом терпим неудачи на жизненном пути, возвращаясь и распахивая двери, которыми прежде пренебрегли, – так отчаянно нам хочется, чтобы в этот раз всё было как надо.

Бывает и так, что в нас просыпается компульсивная потребность в сравнении – мы примеряем свою жизнь к чужой и втайне задаемся вопросом: а может, нам стоило избрать другой путь?

Разумеется, компульсивное сравнение приводит лишь к ослабляющей дух болезни, которую Ницше называл *Lebensneid*, зависть жизни: уверенности в том, что кто-то другой намного счастливее, и если бы только у вас была *ее* фигура, *ее* муж, *ее* дети, *ее* работа, всё сразу стало бы легко, чудесно и наступило бы счастье. (Моя знакомая, психотерапевт, определяет эту проблему как «состояние, когда все мои незамужние пациентки втайне хотят выйти замуж, а замужние – снова быть в свободном полете».) Из-за того что определенности достичь так трудно, решения одного человека становятся приговором для другого, а поскольку никто уже точно не знает, что значит быть «хорошим мужчиной» или «хорошей женщиной», чтобы найти свое место в жизни, теперь нужно быть настоящим специалистом по эмоциональной навигации и ориентированию. Все эти возможности, все эти стремления создают некое странное томление, словно все призраки наших других – отвергнутых – шансов постоянно нависают над нами в теневом измерении и всё время спрашивают: «А ты уверена, что хотела именно этого?» И сильнее всего данный вопрос преследует нас в семейной жизни, потому что эмоциональный риск, связанный с этим глубоко личным выбором, необычайно высок.

Поверьте, у современного западного брака множество преимуществ по сравнению с традиционным браком хмонгов (для начала, мы не похищаем невест), и еще раз повторю: я бы на месте этих женщин оказаться не хотела. Им никогда не познать той свободы, которой я обладаю; не получить моего образования; никто никогда не разрешит им свободно исследовать многочисленные аспекты своей натуры. Но есть один важный дар, который получает на свадьбу каждая невеста племени хмонгов и который редко достается современной западной невесте – уверенность. Когда перед тобой всего одна дорога, ты обычно уверена, что она и есть правильная. А невеста, чьи ожидания счастливой жизни с самого начала были невелики, более защищена от опасности губительных разочарований.

Если честно, я до сих пор не знаю, какова практическая польза этой информации. Не могу же я сделать своим официальным девизом фразу «Довольствуйся меньшим!» или посоветовать молодой женщине, которая собирается замуж, не питать особых ожиданий стать счастливой. Такой образ мыслей противоречит всем современным теориям, которым меня учили. К тому же я знаю пример, когда такая тактика не сработала. В колледже у меня была подруга. Она намеренно ограничила для себя возможности в жизни, словно желала получить прививку от чрезмерно амбициозных ожиданий. Она забыла о карьере, отказалась от манящей перспективы отправиться в путешествие, вернулась домой и вышла замуж за парня, в которого была влюблена еще в школе. С непоколебимой твердостью она заявила, что намерена стать «только» женой и матерью. Ей казалось, что простота этого выбора обеспечивает ей полную безопасность по сравнению с конвульсиями нерешительности, в которых бились ее многочисленные более амбициозные сверстники (я в том числе). Но когда двенадцать лет спустя муж ушел от нее к женщине помоложе, поверьте – я не видела такой ярости и обиды никогда. Она буквально взорвалась от негодования, причем направлено оно было не столько на мужа, сколько на всю Вселенную, которая, как ей казалось, разорвала с ней священный контракт. «Я же просила так мало!» – всё повторяла и повторяла она, словно думала, что одни только малые требования способны застраховать ее от разочарований.

Но мне кажется, она ошибалась – на самом деле она просила очень, очень много. Она осмелилась потребовать у судьбы счастья и осмелилась предположить, что брак принесет ей это счастье. Это очень серьезная претензия. И возможно, сейчас, накануне второго брака,

мне было бы нелишне признать, что и я предъявляю судьбе очень высокие претензии. А как же иначе? Это же признак нашего времени. Мне разрешили иметь великие жизненные ожидания, разрешили ожидать от любви и семейной жизни гораздо больше, чем когда-либо было позволено другим женщинам в истории. Что касается близких отношений, я требую от своего мужчины очень много и хочу получить всё сразу.

Невольно вспоминается история, которую мне однажды рассказала сестра. Одна англичанка приехала в США зимой 1919 года и в негодовании написала домой, что в этой чудной стране Америке, оказывается, есть люди, которые действительно считают, что ни одна часть их тела не должна мерзнуть! Тот день, что я провела в разговоре о замужестве с женщинами из племени хмонгов, заставил меня задуматься, что, возможно, в вопросах сердечных я тоже стала таким человеком – женщиной, которая считает, что ее любимый каким-то образом не должен позволять мерзнуть ни одной частичке ее эмоционального существа.

Мы, американцы, часто повторяем, что брак – это «тяжелая работа». Сомневаюсь, что хмонги поняли бы это утверждение. Жизнь – это тяжелая работа, ясно; и работа может быть тяжелой – наверняка с этим они согласились бы, но как брак может превратиться в работу? А вот как: брак становится тяжелой работой, если ты взваливаешь все свои надежды на счастье на спину одного-единственного человека. Выдержать это – тяжелая работа. Недавнее исследование показало, что в наши дни молодые американки больше всего ценят мужчин, которые бы их «вдохновляли», – запросы немаленькие, с какой стороны ни посмотри. Для сравнения: в исследовании, проведенном среди женщин того же возраста в 1920 году, в выборе партнера опрошенные полагались на такие качества, как порядочность, честность и способность обеспечить семью. Но теперь этого мало. Теперь мы хотим, чтобы наши супруги нас *вдохновляли*! Причем ежедневно! А ну-ка, дорогой, вдохновляй меня!

Но ведь именно этого я в прошлом ожидала от любви (вдохновения и полного блаженства). И именно это ожидала испытать снова рядом с Фелипе. Мне снова казалось, что мы почему-то в ответе за радость и счастье друг друга во всех их проявлениях. Что наша работа как супругов – быть друг для друга *всем*.

Я так всегда считала.

И слепо считала бы и дальше, если бы встреча с хмонгами не открыла мне глаза на одну важную вещь: впервые в жизни мне пришлось в голову, что, возможно, я слишком много хочу от любви. Или от замужества. Пожалуй, груз ожиданий, который я взваливаю на скрипучую старую лодку семейных отношений, куда тяжелее грузоподъемности, под которую было построено это нелепое суденышко.

Глава 3

Замужество и история

*Брак – первое общественное обязательство.
Цицерон*

Если брак – не машина по достижению полного блаженства, что же это такое?

Ответить на этот вопрос мне было особенно сложно, потому что брак (как историческое понятие) не поддается попытке простого определения. Такое впечатление, что брак меняется быстрее, чем кому-либо удастся нарисовать его точный портрет. Брак перерождается. В течение веков он менялся, как погода в Ирландии: постоянно, без предупреждения и быстро. Нельзя даже с уверенностью свести брак к такому простому понятию, как священный союз мужчины и женщины. Во-первых, не всегда брак считался священным, даже в христианской традиции. И по правде, брак в человеческой истории по большей части был союзом мужчины и *нескольких* женщин.

Бывали случаи, когда браком называли союз одной женщины и нескольких мужчин (как в Южной Индии, например, где на несколько братьев иногда одна невеста). Иногда признавался брак между двумя мужчинами (в Древнем Риме, где союз двух аристократов мужского пола некогда считался законным); или братом и сестрой (в средневековой Европе, в целях сохранения ценной собственности); или между двумя детьми (тоже в Европе, по настоянию родителей, оберегающих наследство, или власть имущих церковников); или еще нерожденными детьми (в тех же целях); или между двумя людьми, принадлежащими к одному социальному классу (снова в Европе, где крестьянам в Средневековье нередко запрещали жениться классом выше, чтобы сохранить порядок и чистоту общественной иерархии).

Порой брак также намеренно воспринимают как временное явление. В современном революционном Иране, к примеру, молодые пары могут попросить у муллы специальное разрешение на брак – *sigheh*, «пропуск» соединяющий пару всего на один день. Этот «пропуск», позволяет мужчине и девушке спокойно находиться рядом на публике и даже совершенно легально заниматься сексом, что, по сути, является санкционированной Кораном и законно защищенной разновидностью временных романтических отношений.

В Китае определение брака некогда включало священный союз живой женщины и покойника. Это называлось «брак с призрак». Молодая девушка из уважаемого рода могла выйти замуж за покойника из хорошей семьи, чтобы скрепить два клана родственными узами. К счастью, никакого контакта живой плоти со скелетами не подразумевалось (свадьба была, можно сказать, абстрактной), но для современных ушей идея всё равно звучит, как из фильма ужасов. При этом для некоторых китайянок подобный обычай стал идеальной общественной позицией. В девятнадцатом веке на удивление много женщин в Шанхае были заняты в шелковой торговле, и некоторым удалось стать довольно успешными бизнес-леди. В поисках большей экономической свободы они предпочитали подавать прошения о «браках с призраками», чем сажать на шею живых мужей. Для молодой амбициозной женщины, ведущей торговлю, трудно было придумать более легкий путь к независимости, чем брак с уважаемым трупом. Она обретала общественный статус жены, избавив себя от стрессов и *неудобств реальной* семейной жизни.

Даже когда брак стал союзом мужчины и всего одной женщины, он не всегда служил тем целям, что подразумеваются сейчас. На заре западной цивилизации мужчины и женщины вступали в брак, как правило, в целях обеспечения физической безопасности. До появления государств, в дикую дохристианскую эпоху Месопотамии и Леванта, семья была

основной функционирующей ячейкой общества. Семья генерировала все основное жизнеобеспечение – не просто общение и досуг, но также еду, жилье, образование, религиозное воспитание, медицинский уход и – что немаловажно – оборону. Жизнь в колыбели цивилизации была полна опасностей. Одиночество превращало человека в мишень. Чем больше родственников, тем безопаснее. Люди заключали браки, чтобы увеличить число родных. Главным помощником был вовсе не супруг, а вся большая семья, действовавшая (как у хмонгов) как единое целое в постоянной битве за выживание.

Эти большие семьи разрослись и превратились в племена; племена стали царствами, а царства – династиями, которые стали воевать друг с другом, устраивая разорительные завоевания и геноцид. Ранние иудеи появились именно в результате такой системы – вот почему Старый Завет представляет собой генеалогический калейдоскоп, где понятие семьи является центровым, а чужаков презирают. Он пестрит легендами о патриархах, матерях семейств, братьях, сестрах, наследниках и их многочисленной родне. Конечно, эти семьи не всегда были здоровыми и гармоничными (братья убивали братьев, продавали в рабство сестер, дочери соблазняли отцов, а супруги изменяли друг другу), но основное повествование всегда связано с историей и бедствиями клана, а брак – это главное средство развития сюжета.

А вот Новый Завет – или, если хотите, пришествие Иисуса Христа – обесценил старую клановость до поистине революционного предела. Вместо того чтобы продолжить клановую идею об «избранном народе против всего мира», Иисус (холостяк, в отличие от великих героев-патриархов Старого Завета) стал учить, что все мы избранные, все мы братья и сестры, объединенные родом человеческим. Понятно, что столь откровенно радикальную идею никогда не приняли бы в традиционной клановой системе. Ведь признать чужака своим братом можно было, лишь отрекшись от настоящего, биологического брата и нарушив древний закон, связывающий человека священными узами с кровными родственниками и автоматически противопоставляющий его нечистым аутсайдерам. Именно эту жестокую клановую преданность христианство стремилось побороть. Как говорил Иисус «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Евангелие от Луки, 14:26).

Разумеется, это было чревато. Если уж низвергнуть всю социальную структуру человеческой семьи, то чем ее заменить?

План ранних христиан был до невозможности идеалистичен, если не сказать утопичен: создать на Земле точную копию рая. «Откажитесь от брака и подражайте ангелам», – учил Иоанн Дамаскин примерно в 730 году н. э., вполне конкретно обрисовывая новый христианский идеал. А как подражать ангелам? Подавляя человеческие желания, само собой. Разрубив все естественные человеческие связи. Сдерживая все страсти и привязанности, кроме стремления слиться с Господом. Ведь в воинстве ангелов не существует ни жен, ни мужей; ни матерей, ни отцов; ни поклонения предкам; ни кровных уз, ни кровной мести; ни страсти, ни зависти, ни тел, а главное – никакого секса! Вот какой должна была стать новая система человеческих отношений, смоделированная по примеру самого Христа и основанная на celibate, чувстве братского всеединства и абсолютной чистоте.

Отказ от сексуальности и брака представлял собой массовый отход от старозаветного типа мышления. Ведь у иудеев брак всегда считался самым моральным и почетным общественным явлением (иудейские священники *должны были* быть женатыми людьми), а в границах брачного союза откровенно предполагался и секс. Разумеется, супружеская неверность и беспорядочные связи в древнеиудейском обществе считались преступлением, однако никто не запрещал мужу и жене заниматься сексом и даже получать при этом удовольствие. Секс в браке не был грехом, секс в браке был... браком. Ведь именно при помощи секса на свет появлялись иудейские младенцы – а откуда взяться племени, если не наделать кучу иудейских младенцев?

Однако ранние христиане вовсе не собирались *делать* христиан в биологическом смысле (как младенцев, выходящих из утробы). Нет, их интересовало *обращение* христиан в интеллектуальном смысле (уже взрослых людей, обретающих спасение по собственному выбору). Христианином необязательно было рождаться – к христианству приходили взрослыми, через благодать и святость крещения. Поскольку в потенциальных христианах для обращения никогда не могло возникнуть недостатка, не было необходимости и осквернять себя производством детей путем мерзкого сексуального контакта. А если дети больше были не нужны, вполне логично, что и брак перестал быть необходимым.

Не забывайте, что христианство всегда было апокалиптической религией – и в начале его истории это ощущалось гораздо сильнее, чем сейчас. Ранние христиане ждали конца света в любой момент, возможно даже завтра после обеда, поэтому их не слишком интересовал вопрос создания будущих династий. По сути, для этих людей не существовало будущего. Ввиду неизбежного и скорого Армагеддона в жизни новообращенного христианина была только одна задача: подготовиться к грядущему Апокалипсису, очистившись, насколько это вообще возможно по человеческим меркам.

А брак = жена = секс = грех = нечистое.

Вывод: не жениться.

Таким образом, когда сегодня мы говорим о «свято чтимых узах брака» или «святости брака», хорошо бы вспомнить, что в течение приблизительно десяти веков брак в христианстве не был ни святым, ни чтимым. И уж точно не был идеальной формой существования моральной личности. Напротив, отцы раннего христианства считали привычку вступать в брак довольно отвратительным мирским обычаем, который был слишком уж тесно связан с сексом, женщинами, налогами и собственностью и не имел никакого отношения к более возвышенным, божественным материям.

Поэтому, когда современные религиозные консерваторы заводят ностальгическую волынку о том, что брак – священная традиция, уходящая в историю на тысячи непрерывных лет, они абсолютно правы, но лишь в одном случае – если речь идет об иудаизме.

В христианстве попросту не существует глубокой и непрерывной традиции почитания брака. В последнее время она появилась, но ее не было с самого начала. Первые тысячу лет христианской истории моногамный брак в глазах Церкви был, конечно, чуть лучше открытой проституции, но в том-то и дело, что лишь чуть. Святой Иероним дошел до того, что составил шкалу человеческой святости от одного до ста баллов, в которой девственники удостоивались высшего балла, вдовы и вдовцы, вновь принявшие celibат, – шестидесяти, а супружеские пары, как ни удивительно, греховного результата в тридцать очков. Шкала была полезной, но даже сам Иероним признавал, что у подобных сравнений есть свои пределы. Строго говоря, писал он, нельзя даже сравнивать девственность и брак, как «нельзя сопоставлять две вещи, если одна из них – добро, а другая – зло».

Как только мне попадается такое высказывание (а в раннем христианстве их пруд пруди), я сразу вспоминаю своих друзей и родственников, которые считают себя христианами, но, несмотря на все старания вести безупречную жизнь, все-таки оказались в разводе. Годами я видела, как эти добрые, этичные люди совершенно убивают себя чувством вины, будучи уверенными в том, что нарушили самую священную и древнюю христианскую заповедь – не выполнили супружеский обет. Я и сама попала в эту ловушку, когда разводилась, а меня ведь не воспитывали в духе фундаментализма. (Мои родители были в лучшем случае «умеренными» христианами, и никто из моих родственников не корил меня, когда я разводилась.) И всё равно, когда мой брак рухнул, я провела не поддающееся исчислению количество бессонных ночей, терзаясь вопросом: простит ли меня когда-нибудь Бог за то, что я ушла от мужа. Еще долго после развода меня преследовало неотступное ощущение, что я не только потерпела неудачу, но и – почему-то – *согрешила*.

Подобные комплексы вины лежат глубоко, их не исправить в одночасье. Но я не могу не признать, что в те месяцы адских моральных терзаний мне было бы полезно знать кое-что о той враждебности, которая веками окружала брак в христианстве. «Сбрось с себя груз мерзостных семейных обязанностей!» – проповедовал английский священник в шестнадцатом веке, разбрызгивая слюну и отрекаясь от того, что ныне мы бы назвали семейными ценностями. «Ведь под ними скрывается ужасный, рычащий и острозубый оскал лицемерия, зависти, злобы, дурных намерений!» А вот сам святой Павел в знаменитом письме коринфянам: «Не следует мужчине касаться женщины». Никогда, ни при каких обстоятельствах, считал святой Павел, не следует мужчине касаться женщины – даже если речь идет о собственной жене. Если бы Павел добился своего, по его собственному признанию, все христиане приняли бы обет воздержания, как он. («Хотел бы я, чтобы все мужчины были чисты, как я».) Но, будучи рациональным человеком, он понимал, что планка высоковата. Поэтому требовал, чтобы христиане *по возможности* не вступали в брак. Холостым и незамужним советовал не жениться никогда, а вдовам и разведенным – не стремиться создать новую семью в будущем. («От жены избавлен? Не ищи новую».) При любом удобном случае Павел призывал христиан воздерживаться, обуздывать плотские страсти и жить в уединении и без секса – на земле, как в раю.

«Но если воздерживаться им не по силам, – допускал Павел в конце концов, – пусть женятся; всё лучше, чем гореть в аду».

Вот уж точно самое пессимистичное обоснование для брака в человеческой истории. Хотя оно и напоминает соглашение, к которому недавно пришли мы с Фелипе, – всё лучше, чем депортация.

Разумеется, всё это не означало, что люди перестали жениться. За исключением самых ревностных, ранние христиане в массе своей отвергли призыв к celibату, продолжая заниматься сексом и вступать в брак (обычно именно в таком порядке) без всякого участия священнослужителей. В течение нескольких веков после смерти Христа по всему западному миру браки заключались различными импровизированными способами – с элементами иудейского, греческого, римского и франко-германского свадебного обряда. Молодожены затем регистрировались в деревенских и городских реестрах как «супруги». Иногда браки терпели крах, и участники подавали на развод в европейские суды, которые были на удивление либеральными. (В Уэльсе десятого века, к примеру, у женщин было больше прав при разводе и разделе имущества, чем в пуританской Америке семью веками позже.) Нередко разведенные пары затем находили новых супругов и начинали спорить, кому принадлежат права на мебель, землю или детей.

В раннеевропейской истории брак превратился в чисто светское предприятие, потому что к тому моменту установились совершенно новые правила игры. Люди теперь жили в городах и деревнях, а не сражались за выживание в открытой пустыне. Брак больше не являлся фундаментальной стратегией по обеспечению личной безопасности или способом расширения клана. Вместо этого он стал высокоэффективной формой управления собственностью и общественного порядка, требовавшего от социума некоей организационной структуры.

В те времена, когда банкам, законам и правительствам по-прежнему была свойственна большая нестабильность, брак стал единственным и важнейшим деловым соглашением, которое люди заключали в жизни. (Некоторые скажут, что и до сих пор так. Даже сегодня мало кто может повлиять на ваше финансовое благополучие так сильно, как супруг, и это влияние может быть как плохим, так и хорошим.) В Средневековье брак, безусловно, являлся самым безопасным и простым способом передачи имущества, скота, наследных реликвий и собственности из поколения в поколение. Могущественные семьи укрепляли свое богат-

ство посредством брака точно таким же образом, как сегодняшние мощные мультинациональные корпорации укрепляют свой капитал посредством грамотно просчитанных слияний и приобретений. (Тогдашние могущественные семьи в некотором смысле и были мультинациональными корпорациями.) Дети из богатых европейских семей, обладающие титулами и наследством, становились движимым имуществом, которым можно было торговать и манипулировать, как акциями. Это касалось не только девочек, но и мальчиков. До достижения половой зрелости, прежде чем все семьи и их адвокаты приходили к согласию, у ребенка из хорошей семьи могло состояться семь или восемь помолвок с потенциальными женами.

Даже в простонародной среде экономические соображения имели огромный вес для обоих полов. Найти хорошего мужа тогда было сродни поступлению в хороший колледж, или приобретению недвижимости, или работе на почте – это обеспечивало определенную стабильность в будущем. Конечно, люди не перестали испытывать личную привязанность, и сердобольные родители старались устроить эмоционально благополучный союз для своих детей, но в целом средневековые браки откровенно корыстны. Приведу всего один пример: вскоре после того, как эпидемия Черной смерти скосила семьдесят пять миллионов человек, по средневековой Европе прокатилась волна свадебной лихорадки. Ведь для выживших открылись беспрецедентные возможности продвинуться по социальной лестнице посредством брака. В Европе вдруг образовались тысячи вдов и вдовцов со значительными активами ценной собственности, которая так и ждала своего часа, и частенько без живых наследников. Началась настоящая «брачная золотая лихорадка», в которой каждый стремился застолбить участок. В судебных реестрах тех лет подозрительно много записей о браках двадцатилетних парней с пожилыми женщинами. Эти парни не были идиотами. Увидев открывшуюся дверь – возможность жениться на вдове, – они ныряли в нее.

Учитывая подобное отсутствие сентиментальной ауры вокруг брака, неудивительно, что европейские христиане вступали в брак в уединенной обстановке, дома, в обычной одежде. Помпезные романтические свадьбы, которые ныне воспринимаются нами как «традиционные», появились лишь в девятнадцатом веке, когда юная королева Виктория прошагала к алтарю в пышном белом платье, установив моду, продержавшуюся до наших дней. Однако до этого день свадьбы европейца ничем не отличался от любого другого дня недели. Врачующиеся обменивались обетами в ходе импровизированной церемонии, которая обычно длилась всего несколько секунд. Свидетели на свадьбе нужны были лишь для того, чтобы впоследствии в суде ни у кого не возникло сомнений, действительно ли пара вступила в брак по взаимному согласию, – важнейший вопрос, если на карту были поставлены деньги, земля или дети. Участие суда было необходимо в целях поддержания определенной степени общественного порядка. По словам историка Нэнси Котт, «брак предписывал обязанности и предоставлял привилегии», устанавливая для граждан четкие роли и обязательства.

В современном западном обществе всё это по большей части сохранилось. Даже в наши дни в браке закон интересуют лишь деньги, имущество и дети. У вашего священника, раввина, соседей и родителей могут быть свои представления о замужестве, но в глазах современного светского законодательства единственное, чем интересен брак, так это тем, что двое, заключив союз, производят что-то на свет (детей, доходы, бизнес, долги). Теперь всем этим нужно управлять, чтобы гражданское общество функционировало упорядоченно и правительству не пришлось заниматься неблагоприятным делом воспитания брошенных детей или обеспечением обанкротившихся бывших супругов.

К примеру, когда в 2002 году я подала на развод, судью совершенно не интересовали ни я, ни мой тогдашний супруг с эмоциональной или моральной стороны. Ей было плевать на наши личные обиды, разбитые сердца и священные обеты, на то, нарушили мы их или нет. И уж точно ей не было никакого дела до наших бессмертных душ. Нет, ее заботили лишь

документы на дом и то, кому он достанется. Ее заботили наши налоги. И то, что кому-то из нас еще полгода выплачивать кредит на машину. Ее интересовало, кто имеет право получать проценты с продаж моих еще ненаписанных книг. Если бы у нас были дети (к счастью, Бог миловал), судью бы очень интересовало, кто обязан платить за их образование, лечение, жилье, нянь и прочее. Таким образом, властью, данной ей штатом Нью-Йорк, она сохраняла порядок в нашей маленькой ячейке гражданского общества. Сама того не зная, судья в 2002 году во всем следовала средневековому понятию брака, то есть понятию о том, что брак – светское, гражданское предприятие, не имеющее отношения ни к религии, ни к морали. Ее постановления были бы уместны и в европейском суде десятого века.

Однако больше всего в раннеевропейских браках (и разводах, конечно) меня поразило то, с какой легкостью они заключались и расторгались. Люди женились по финансовым и личным мотивам, но они и расходились по финансовым и личным мотивам, и расходились легко, в сравнении с тем, что ждало их в ближайшем будущем. Видимо, в то время в гражданском обществе понимали, что, хотя человеческие сердца дают много обещаний, умом всегда можно передумать.

Условия финансовых сделок тоже меняются. В средневековой Германии суды дошли до того, что создали два вида законного брака: *мунтейе*, постоянный пожизненный контракт с множеством обязательств, и *фриделейе* (буквальный перевод – «облегченный брак»), более простое соглашение между двумя взрослыми людьми, не подразумевающее ни приданого, ни прав на наследство, которое могло быть расторгнуто каждой стороной в любой момент.

Но в тринадцатом веке настало время либеральным порядкам измениться: в вопросы брака снова (точнее, впервые) вмешалась Церковь. Утопические мечты раннего христианства давно почили. Среди отцов Церкви давно не осталось ученых монахов, стремящихся воссоздать рай на Земле; теперь они были могущественными политиками, готовыми положить все силы на управление растущей империей. И одной из главных административных задач, стоявших перед Церковью, было управление европейскими королями, чьи браки и разводы приводили к созданию и разрушению политических альянсов, не всегда входивших в планы церковного руководства.

И вот в 1215 году Церковь навсегда взяла брак в свои руки, издав указ о том, что отныне считать законным браком. До 1215 года устного обета двух взрослых людей в глазах закона всегда было достаточно, но теперь Церковь решила, что это неприемлемо. Новая догма объявляла «полный запрет на тайные браки». (То есть «полный запрет на браки, о которых нам ничего не известно».) Теперь все принцы и аристократы, осмелившиеся жениться вопреки желаниям Церкви, мгновенно отлучались; эти ограничения распространялись и на простонародье. Чтобы усилить контроль, папа Иннокентий III запретил развод при любых обстоятельствах, за исключением санкционированной Церковью аннуляции брака, которая впоследствии стала часто использоваться как средство построения и разрушения империй.

Итак, некогда светский институт брака, находившийся в ведении семьи и гражданских судов, превратился в строгий религиозный ритуал, контролируемый безбрачными священниками. Мало того, жесткие новые запреты на развод превратили брак в пожизненный приговор: такого не было еще никогда, даже в древнеиудейском обществе. Развод оставался в Европе вне закона до шестнадцатого века, когда Генрих VIII вернул этот обычай с большой помпой. То есть примерно на два века – и гораздо дольше в странах, где после протестантской реформации сохранилось католичество, – несчастливые пары потеряли законную лазейку на случай, если что-то пойдет не так.

Надо отметить, что эти ограничения усложнили жизнь женщинам намного больше, чем мужчинам. Мужчинам хотя бы позволялось искать любви и плотских утех на стороне, но вот у женщин не было такой отдушины, на которую общество закрывало бы глаза. Для женщин из богатых семей брачные клятвы оказывались тюрьмой строгого режима, им приходи-

лось довольствоваться тем, что им навязали. (Крестьяне могли выбирать и бросать супругов с чуть большей свободой, но в аристократических кругах, где на карту было поставлено столько денег, не было места подобным вольностям.) Девочек из высокопоставленных семей в пятнадцатилетнем возрасте переправляли в страны, языка которых они не знали. Они были вынуждены жить там с мужем, доставшимся им совершенно случайно. Одна такая девочка из Англии, описывая предстоящее замужество по расчету, с грустью говорила о «ежедневных приготовлениях к путешествию в Ад».

Чтобы усилить контроль над управлением и сосредоточением активов, европейские суды всерьез взялись за юридическое понятие *ковертюры*⁹, или статуса замужней женщины, – идеи о том, что индивидуальное существование женщины как гражданина с момента вступления в брак прекращается. При этой системе женщина «сливалась» с мужем и переставала обладать какими бы то ни было законными правами или личной собственностью. Понятие ковертюры появилось во Франции, но вскоре распространилось по Европе и укоренилось в гражданском законодательстве Англии. В девятнадцатом веке британский судья лорд Уильям Блэкстоун по-прежнему отстаивал это понятие в зале суда, настаивая на том, что замужняя женщина не представляет собой самостоятельную сущность с законными правами. «Сама личность женщины, – писал он, – на время брака перестает существовать». По этой причине, рассуждал Блэкстоун, муж не может поделиться имуществом с женщиной, даже если бы хотел – и даже если это имущество до брака принадлежало ей. Как можно отдать что-то жене, ведь это всё равно что допустить право на ее «отдельное существование» – а такое просто невозможно!

Таким образом, «слияние», о котором мы говорим, было не столько соединением двух личностей, сколько пугающим и почти колдовским «удвоением» мужчины, в ходе которого его силы удваивались, а силы его жены полностью исчезали.

В сочетании со строгой политикой запрета разводов к тринадцатому веку брак превратился в институт, который фактически хоронил женщин заживо, стирая их с лица земли, – особенно это касалось аристократии. Можно лишь гадать, какой одинокой становилась жизнь этих женщин после того, как их человеческая сущность была столь старательно уничтожена. Чем они заполняли свои дни? О таких несчастных Бальзак писал, что в результате брака, парализующего всё их существо, «скука берет верх, и они предаются религии, заводят кошечек, маленьких собачек и предаются прочим маниям, наносящим оскорбление лишь Господу Богу».

Если есть слово, способное всколыхнуть все тайные страхи, что я когда-либо испытывала по поводу брака, так это ковертюра. Именно это имела в виду танцовщица Айседора Дункан, когда писала, что «любая умная женщина, которая прочла брачный контракт и всё же вышла замуж, сама виновата».

И ведь мой страх не то чтобы иррационален. Наследие этого юридического понятия просуществовало в западной цивилизации гораздо дольше, чем следовало бы, хватаясь за жизнь на полях пыльных юридических фолиантов, и всегда было связано с консервативными понятиями о «правильной» роли жены. К примеру, замужние женщины в Коннектикуте, включая мою собственную мать, получили право брать кредиты или открывать счет в банке без письменного разрешения мужа лишь в 1975 году. Лишь в 1984 году штат Нью-Йорк отменил омерзительную «поправку о супружеском изнасиловании», которая прежде позволяла мужчине любые, в том числе насильственные и принудительные, действия сексуального характера по отношению к своей жене, – ведь ее тело принадлежало ему, а по сути, они были одним целым.

⁹ От фр. *couverture*, покрытие.

Есть один пережиток ковертюры, который вызывает у меня наибольший отголосок, учитывая мои обстоятельства. Дело в том, что мне просто повезло, что правительство США позволило мне выйти замуж за Фелипе, не вынуждая отказаться от своего гражданства. В 1907 году Конгресс Соединенных Штатов принял закон, согласно которому любая американка, выходящая за иностранца, была обязана отказаться от американского гражданства и автоматически становилась подданной государства супруга, хотела она того или нет. Хотя суд признавал, что это довольно неприятно, много лет данное условие было непоколебимым. По рассуждению Верховного суда, если бы американской гражданке разрешили сохранить ее гражданство с момента брака с иностранцем, это означало бы, *что ее гражданство предпочтительнее*. Таким образом, высказывалась бы идея, что женщина обладает чем-то, что говорит о ее превосходстве над мужем, пусть даже это какая-то мелочь. Как заметил один американский судья, это совершенно немыслимо, поскольку подрывает «древнейший принцип» брачного контракта, существующего с целью «слияния индивидуальностей (мужа и жены) с передачей главенства супругу». (Технически, конечно, это никакое не слияние, а *поглощение*. Но суть ясна и так.)

Стоит ли говорить, что обратную ситуацию закон рассматривал иначе? Случись американцу по рождению жениться на иностранке, ему, разумеется, позволялось сохранить свое гражданство, а его невесте (которая теперь «слилась» с ним) – стать американской гражданкой, если, конечно, она соответствовала официальным требованиям по национализации иностранных жен (то есть не была негритянкой, мулаткой, представительницей малайской расы или другим существом, которое Соединенные Штаты Америки считали нежелательным).

Это подводит нас еще к одной теме, которая беспокоит меня в наследии законов о браке. Речь идет о расизме, встречающемся в этих законах сплошь и рядом, даже в недавней американской истории. Одна из наиболее зловещих личностей в истории брака в США – человек по имени Пол Попено, фермер, выращивавший авокадо в Калифорнии. В 1930 году он открыл в Лос-Анджелесе клинику евгеники и назвал ее «Фонд по улучшению человечества». Вдохновленный попытками культивировать улучшенные авокадо, он посвятил работу в клинике культивации «улучшенных» (то есть более белых) людей. Пола Попено тревожил вопрос, что белые женщины, которые с недавнего времени начали посещать колледжи и откладывать брак на более позднее время, не размножаются достаточно быстро и плодотворно, в то время как люди «не того цвета» плодятся в опасном количестве. Он также был весьма обеспокоен браками и размножением «недостойных», поэтому первоочередной задачей его клиники была стерилизация всех, кого Попено считал не заслуживающими размножения. Если всё это кажется вам тревожно знакомым, так это потому, что нацисты впечатлились работой Попено и часто цитировали его в своих трудах.

Нацисты действительно развили его идеи. В конце концов в Германии было стерилизовано более четырехсот тысяч человек; Соединенным Штатам по программе Попено удалось стерилизовать всего около шестидесяти тысяч граждан.

Еще одно отрезвляющее открытие состоит в том, что Попено использовал свою клинику для открытия первого в Америке центра психотерапии для супружеских пар. Его цель была в том, чтобы поощрять браки и «размножение» среди «достойных» пар (белых протестантов североамериканского происхождения). Еще более ужасает тот факт, что Попено, отец американской евгеники, также основал знаменитую колонку «Можно ли спасти мой брак?» в «Ледис хоум джорнэл». Его намерения при этом были такими же, как и с центром психотерапии: не дать американским семьям распасться, чтобы как можно больше белых американских младенцев было произведено на свет.

Однако расовая дискриминация всегда была отличительной чертой американского брака. Рабам на предвоенном Юге по понятным причинам не разрешали вступать в брак. При этом приводился такой довод: брак между рабами невозможен. В западном обществе брак –

это соглашение, основанное на доброй воле, а раб по определению не обладает волей. Все его поступки контролируются хозяином, и потому он просто не может по своей воле заключить соглашение с другим человеком. Если позволить рабам вступить в брак по взаимному желанию, это будет означать, что раб способен давать обещания, – а это абсолютно невозможно. Поэтому рабы и не могут жениться. Подобная логическая цепь рассуждений, эти доводы и жестокая политика приведения доводов в действие, по сути, уничтожили институт брака в афроамериканской среде для нескольких поколений – позорное наследие, до сих пор ощутимое в обществе.

А ведь есть еще проблема межрасовых браков, которые в США являлись незаконными до самых недавних пор. На протяжении почти всей американской истории любовь к человеку с неправильным цветом кожи заканчивалась тюрьмой, а то и хуже. Всё изменилось в 1967 году с делом одной пары из виргинской деревни, пары с весьма поэтической фамилией Лавинги.¹⁰

Ричард Лавинг был белым, его жена Милдред, в которую он был влюблен с семнадцати лет, – негритянкой. Когда в 1958 году они решили пожениться, межрасовые браки всё еще были запрещены в Виргинии и пятнадцати других американских штатах. Поэтому молодая пара обменялась кольцами в штате Вашингтон. Вернувшись домой после медового месяца, они тут же попали в лапы местным полицейским, которые ворвались к ним в спальню посреди ночи и произвели арест. (Полицейские надеялись, что парочка будет заниматься сексом, – тогда мистера и миссис можно было бы обвинить еще и в межрасовых сексуальных связях, – но им не повезло: Лавинги крепко спали.) И всё же одного факта, что они женаты, было достаточно, чтобы отправить их в тюрьму.

¹⁰ Любящие (англ.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.